

АРТЕМ МАРТ

**МОЯ
ОБОРОНА!**

ЛИХИЕ ЧО-Е

Артём Март

Моя оборона! Лихие 90-е. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70404133

SelfPub; 2024

Аннотация

В 90-х я был начальником охранного агентства «Оборона», но из-за предательства все потерял. До конца жизни остался простым охранником. А потом погиб в драке и... попал в молодого себя? На дворе снова 1993 год, я полон сил, а Оборона еще не существует. Судьба подбросила мне шанс прожить жизнь заново, а еще того самого предателя на соседнее сидение моей машины.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	52
Глава 5	67
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Артём Март

Моя оборона!

Лихие 90-е. Том 1

Глава 1

Армавир. Февраль 2024 года.

– Слышь дядя, – набычился накаченный прыщавый парниша лет двадцати пяти, – какого хрена ты штангу тронул? Не видишь, мы тут занимаемся?

Не обращая внимания на напор качка, я снял очередной двадцатикилограммовый блин, положил себе под колеса. За его спиной стояли еще двое: невысокий, но крепкий мужичок, правда, жирноватый и жилистый паренек со злым острокопным лицом.

– Мужики, да вы чего? – возразил компании Дима, сын моего покойного друга, умершего в девяностые. Дима, обычно, помогал мне в спортзале.

– Мы тут уже двадцать минут тренируемся, а вас и близко не было! – Продолжил он.

– Отдыхали, – гаркнул прыщавый.

– А после него моя очередь. – Добавил вдруг толстоватый мужичок.

Прыщавый, глядя Диме в глаза, приблизился на шаг. Стал возбужденно, как бык, топтаться на месте. Сложно было назвать Димона щуплым, но на фоне прыщавого он выглядел мелковато.

– Слышь, дед, – обратился прыщавый уже ко мне, – тебе на хрена такому спортзал нужен? Ты давай, шуруй отсюда. Все, пожил уже. Только время у нас отнимаешь. Пойди, что ли, – он хмыкнул, – корвалола напейся.

Я по-прежнему молчал и разбирал снаряд.

– Ты не понял? – Глядя на меня, вклинился худощавый, – это наш зал. Мы тут тусим.

В небольшом подвальном спортзале в это дневное время было почти безлюдно. Ходили тут только несколько девочек-спортсменок, молодая тренерша, да вот эта группа современных полугопников-спортиков. Они, к слову, совсем позабыли о тренировках. Я уже давно краем глаза поглядывал, как эта компания окучивала всех местных девчонок. И, кажется, они уже нашли себе “жертву”.

– Дед, харе, – не выдержал прыщавый и положил руку на последний надетый блин.

Я поднял тяжелый взгляд на парня, и тот даже занервничал: стал притаптывать отстающими от крупного тела ногами, а руку с блина убрал.

– Сколько жмешь? – Спросил я.

– Чего? – Выкатил он налитые кровью глаза,

– Жмешь, говорю, сколько? От груди. Судя по весу на

штанге, — я хмыкнул, — килограмм девяносто. Что-то маловато для такого бугая.

— А тебе какое дело? — Поднял прыщавый крупный, настоящий на лишних гормонах подбородок. Потом обернулся к остальным. — Слышь, мужики? Спрашивает, сколько жму.

Парни сдержанно засмеялись.

— Ты, хоть дед и крупный, — начал толстый, — но тебе столько и со стоек не снять.

— А вы ж не тренироваться пришли, — сказал я прыщавому, — а к девкам приставать.

Я кивнул за спину качку. Девочка, худенькая, но фигуристая, с шикарными тренированными бедрами и объемной грудью, заключенной в спортивную кофточку, следила за нашей с прыщавым разборкой. Было видно, что она нервничает. Рядом с ней, приобнимая за талию, стоял поджарый рыжий мужичок из этой же компании. Девушка же все пыталась отстраниться, как-то оградить от себя этого рыжего, но безуспешно. Кажется, ее разрешения особо и не спрашивали.

— Ну и че?! — Выкатив глаза, рявкнул прыщавый так, что на его шее выступили вены.

— Давай забьемся на спор, — проговорил я. — Твой максимальный вес на один раз. Если я пожму больше, вы отстанете от девчонки и свалите куда подальше.

Качки разулыбались, кто-то из них засмеялся. Прыщавый ощерил в улыбке большие зубы.

— А если я? — Самодовольно спросил вдруг он.

– Тогда свалю я, и вы меня больше не увидите в этом спортзале. Ну, – я ухмыльнулся и похлопал по подлокотнику, – добавлю вам еще один бонус.

Дима изумленно уставился на меня. Еще бы. Ведь это был единственный спортзал в городе, что оказался мне по карману сейчас. А если тренируешься всю жизнь, без железа начинается ломка. Это, не говоря уже о том, что новый “бонус” я себе и вовсе купить не смогу. По крайней мере, следующие три месяца.

Прыщавый рассмеялся. Потом заозирался по сторонам. Внимание всех немногочисленных посетителей зала было приковано сейчас только к нашей ссоре.

– Хе, – хмыкнул он и утер нос, – ну давай. Мой жим от груди сто восемьдесят пять. Но для тебя я пару килограммов накину.

Внезапно прыщавый опустился ко мне и добавил:

– Будет интересно посмотреть, как ты без этой своей таратайки будешь валить из зала. Змейкой, небось.

Когда прыщавый пожал свой вес, с трудом вернул нагруженную штангу на место и сел, то самодовольно глянул на меня.

– Ну че? Домой, походу, поеду сегодня я, а не ты, дед. Тебе придется ползти.

Дружки его, смешливо улюлюкая, принялись поздравлять прыщавого. Девушка, которую рыжий подтащил к нам, смот-

рела на меня испуганно и с какой-то мольбой, но молчала.

– Дима, – крикнул я, – давай сто девяносто.

– Да вы че, Виктор Иванович, – нагнулся ко мне Димон, – такой вес и без разминки? Без разогрева?

– Вон, смотри, – я кивнул на постер, висящий на стене, и Димон обернулся.

Это была реклама спортзала, а с постера улыбочиво смотрел и показывал мышцы прыщавый. Правда, был он белозубый и без прыщей.

– Это местные звезды. Думают, им все можно. Надо спустить с небес на землю.

– Виктор Иванович... – Возразил, было Дима.

– Нету времени. Давай навешивай.

– Виктор Иванович, вам уже не двадцать лет, а пятьдесят два. Вы уже давно не тренированный начальник охранного предприятия. Вы...

– А как навесишь блины, помоги мне пересесть с коляски на скамью для жима, Дима.

Я напрягся и опустил много килограммовую штангу, коснулся грифом груди и, с трудом, но вернул ее в изначальное положение. Стойки грюкнули, когда я положил снаряд на место.

Поднявшись, я окинул взглядом изумленные лица качков.

– Ну че? – Сказал я, – давай, валите отсюда. Или ты балабол? Слова своего не держишь?

Прыщавый, темный как грозовая туча, оглянулся, ища поддержки дружков. Правда, встретил он только растерянные взгляды своих и внимательные окружающих.

– Ладно, – сказал он хмуро. – Пойдем, мужики. Нечего в этом клоповнике делать. Тут, походу, все железо скоро старперы займут.

Взглядами мы проводили парней на выход, к раздевалке.

– Спасибо, – сказала мне девушка, когда кочки скрылись в дверях.

– Подыщи зал получше, – ответил я.

Девушка тут же растерялась от моих слов, быстро-быстро заморгала. Потом все же проямлила:

– Я студентка. Мне только этот по карману.

– Не приходи сюда больше, – сказал я, ощупывая поврежденное во время жима плечо. – От греха подальше.

Вечер того же дня

Пропустив очередного посетителя, я привычным делом замкнул автоматические двери проходного тамбура. Сам откинулся на спинке каталки, устало засопел.

В Спа-комплексе “Нимфа” я работал охранником уже двадцать пять лет. Работа была простой: сидишь себе на проходной, в тамбуре, запускаешь и выпускаешь клиентов комплекса.

Расположившись в специальном отдельном кабинете, я мог наблюдать за приходящими сквозь толстое стекло. Они

же видели меня лишь наполовину, и инвалидное кресло оставалось вне поля зрения посетителей.

Верх тела у меня был фактурный, тут ничего не сказать: крепкие руки, широкие плечи, мощное сложение. Лицо суровое, как у ВДВшника на пенсии. Обычно моей внешности хватало, чтобы отбить у большинства гостей Нимфы дурные мысли. А людей с дурными мыслями здесь хватало. Все же район промзоны не самое благоприятное место Армавира. Особенно для спа-центра.

Нимфа была городской баней для рабочих местных предприятий, а с развалом СССР, она перешла в частные руки. К две тысячи двадцать третьему превратилась в модный спа-комплекс. Для меня же это место было последним убежищем после того, как я лишился Обороны – частного охранного предприятия, которое я и еще несколько моих близких друзей основали в начале девяностых. Кто же знал, что один из нас окажется такой крысой. Крысой, которая обманом отберет у нас Оборону, у меня возможность ходить, а у моих друзей жизни.

Дверь в мой закуток при входном тамбуре открылась, и вошел Дима. Одет он был в униформу охранника. Уже много лет мы работали вместе, как сотрудники ЧОПа “Феникс”, принадлежащего, к слову, хозяину “Нимфы”.

– Как патруль? – Спросил я.

– Да нормально, – Дима устало вздохнул. – Но пятница. По-любому, кого-нить выведем. Посетители еще пока не в

кондиции. А! Вот, Виктор Иванович.

Дима достал из кармана и положил на мой стол коробочку дешевенького ортофена – мази от боли в мышцах. После сегодняшнего “рекорда” на жиме ныло плечо и часть левой грудной мышцы. Хотя я и осилил этот вес, но почувствовал себя старым, разваливающимся.

– Спасибо, Дима, – ответил я.

Дима с улыбкой кивнул, помялся немного, будто что-то хотел сказать, но не решился.

– Ну чего ты? – Пряча мазь в ящик стола, спросил я, – чем молчишь, как в рот воды набрал? Вижу же, что еще чего-то хочешь спросить.

– Да менеджер, ну тот новенький, толстый такой. Никита, вроде. В общем, он просил передать, что сегодня приедет Шелестов. Забронировал закрытый номер с сауной.

Шелестов... Услышав эту фамилию, я внутренне вздрогнул от подкатывающей неприязни, но быстро взял себя в руки.

– А чего Никита сам не пришел мне сказать?

– Ну Виктор Иванович, – развел руки Дима, – да вас тут все боятся. Особенно после того, что было в прошлый приезд Шелестова.

– Не разевал бы он рот лишний раз, так ничего бы и не случилось.

Дима, кажется, что-то хотел спросить, но не решился. Видать, интересно было, что же Максим Шелестов, мой быв-

ший друг еще с девяностых, мне в прошлый раз сказал. А собственно, то же самое, что скажет и сегодня. Сукин сын...

– Все же, – начал, наконец, Дима, – попросили меня, чтобы я передал... ну... Чтобы вы были повежливее с Шелестовым. А то в прошлый раз больно много шуму получилось.

Я громко выдохнул. Едва заметно кивнул.

– Спасибо, дядь Вить, – улыбнулся Дима и вышел из комнаты.

Вечер проходил нормально. В комплекс стекались усталые работяги и местные бизнесмены. Привычным делом, я надел наушники, включил на своем стареньком смартфоне мой любимый альбом однофамильца Летова (да, такое забавное совпадение). В наушниках заиграло: “Пластмассовый мир победил...”

Каждый раз, когда открывалась дверь, я ждал, что в тамбур войдет Шелестов. Ну и дождался...

Он приехал в Нимфу часам к восьми вечера. Вошел в заведение, одетый с иголки в дорогой костюм. Шелестов, казалось, раздобыл с прошлой нашей встречи еще сильнее, а черные его волосы стали сильнее блестеть сединой. А может, это мне только показалось.

Был он не один, а в компании нескольких своих людей, каких-то дружков и девушек. Еще бы... директору одного из самых крупных ЧОПов края ЗАО “Оборона” без охраны ходить не полагается. Особенно после того, что он и его дружки творили в девяностые, используя мою Оборону.

– О, привет, Витя, – Шелестов задержался между дверями, пока остальная компания проходила внутрь. – Ну как твои дела? Мои, вот, неплохо. Челюсть совсем зажила после нашего с тобой прошлого разговора.

– Плохо, – снимая наушники, буркнул я, – надо было бить сильнее.

– Александр Евгеньевич, – вклинился один из его охранников, – Пойдемте...

– Тихо, Гриша. Мы с Витей давние друзья. Если он и рычит, то редко кусается. А если и кусается, то так, по старой дружбе. Понарошку. Да, Витя?

– Проходи, – глянул я на него через стекло, – мне с зарплаты на новое стекло денег не жалко. Могу тебя и через ограду достать.

Шелестов растерянно рассмеялся. Вздыхнул.

– Витя, ну чего ты? Столько ж лет прошло, столько воды утекло, а ты все злишься. Прекращал бы. Времена нынче совсем уже другие. Я, и все... хм... мои партнеры, что помогали с обороной в девяностые, теперь уважаемые люди.

Я подался вперед, глянул на Шелестова исподлобья.

– За то, что ты сделал, тебя убить мало, Саша.

– Я тут при чем? – сказал он напряженно. – Время было такое. Нужно было либо подстроиться, либо умереть. Я вот подстроился.

Гневно засопев, я стиснул кулаки. Потом прикрыл глаза и взял себя в руки.

– Ну смотри, – Продолжил Шелестов, – предлагаю в последний раз и надеюсь, что рожу ты мне больше не разобьешь. Пойдешь в Оборону инструктором по правовым вопросам? Твой опыт нам очень нужен, Витя.

– Нет, Саша, – ответил я, не раздумывая, – из-за тебя я не могу ходить. Из-за тебя погибли мои друзья, отец Димона погиб.

– Ты же помнишь, что это по моей просьбе тебя только искалечили, а не убили, – злобно, но тихо проговорил Шелестов.

– Лучше б убили, – ответил я и глянул, что в тамбур заходят новые посетители. – А теперь вали внутрь, Саша. Не задерживай людей.

Шелестов хмыкнул и вошел в двери Нимфы. За ним последовала охрана. А следом в тамбур ввалилась... та самая компания качков, которую я разогнал на сегодняшней тренировке. С собой они притащили и знакомую мне блондиночку. На девушке не было лица. Казалось, она уже смирилась со своей участью.

– Опа, здорово, дед, – улыбнулся мне уже поддатый прыщавый и поправил зимнюю шапку, упавшую на брови.

Остальные рассмеялись, стали подталкивать девчущку к входу в баню. Я немедленно щелкнул кнопкой, блокирующей двери Нимфы. Прыщавый схватился за ручку, дернул. Дверь не открылась.

– Че? Дед, ты че? – Удивился он.

– Мы че, как-то не так выглядим? – Выкрикнул рыжий парень, обнимающий девушку за талию.

Я приблизился к разговорной сеточке в стекле.

– Рожи мне ваши не нравятся. С ней, – я кивнул на девушку, – вы в баню не зайдете.

– Че за беспредел? – Возмутился прыщавый, качки подержали его дружным галдежом, – давай нам сюда менеджера!

– Хрен тебе, а не менеджер. Сами пройдетесь. С ней – нет.

– Да это девушка моя! – Растолкал всех рыжий.

– Ага. А я дедушка Ленин. Нечего из меня дурака делать.

– Вот сука... – проговорил прыщавый, потом выругался матом и стал дергать дверь. Повозмущавшись еще немного, спортсмены вышли из тамбура.

– Ну ниче, тут не открыли, где-нить еще откроют, – сказал мне Прыщавый напоследок.

– Виктор Иванович, а че тут твориться? – Вошел в мой закуток Димка.

Я не ответил сразу. Сквозь толстые стекла входной двери я наблюдал, как они грубо подталкивают девчонку к серебристому солярису, припаркованному на стоянке Нимфы.

– Ничего, – ответил я, – Ану-ка, Дима, подежурь за меня пять минут.

– Что? Вы куда?!

С трудом я выкатился в тамбур, открыв дверь, выехал на ступеньки и спустился по низкому пандусу.

– Э! – Крикнул я, – девчонку отпустили. Быстро.

– Ты че дед? – Обернулся прыщавый, – чего ты выполз из конуры своей? Вали обратно!

Он набычился и стал между мной и машиной. Не теряя времени, я поехал по февральской слякоти к нему. Прыщавый пошел навстречу. Я ударил первым. Без замаха ткнул того в пах. Качек надул щеки, выпучил глаза и согнулся. Завалился набок.

– Э?! Какого хера?! – Закричал Жирный и бросился ко мне.

Он успел схватить коляску за подлокотники. Видать, решил опрокинуть меня, но не смог. Потому что я успел схватить его за плечи. Раздался щелчок кости о кость. Это я дал ему лбом в лицо. Жирный замычал, схватившись в свою морду. Споткнулся о корчащегося в грязи прыщавого и грохнулся рядом.

Третий уже успел меня опрокинуть. Это был рыжий. Он разбежался и сбил меня с колес. Вместе мы упали через спинку коляски. Он оказался сверху. Я тут же схватил его за шапку. А потом почувствовал острую боль в районе печени. Еще, еще и еще.

– Ах ты... Мразь... – Прохрипел я, ощущая во рту вкус крови.

В последнее мгновение я напрягся и дал головой Рыжему прямо в зубы, услышал, как смачно хрустнуло.

– М-м-м-м-м! – Замычал он и перевалился на спину.

Я тут же ощупал тело. На боку было мокро. Форма охранника стремительно пропитывалась кровью.

– Что тут такое?! – Вскочил на ступеньки Димка, а потом выругался.

– Мужики! Он его порезал! – Заорал Прыщавый. – Порезал! Давай отсюда!

С трудом они поднялись и бросились к машине, оттолкнули от Соляриса девчушку, которая грохнулась попой на тротуар. Колеса буксонули на слякоти, и машина рванулась с места.

– Дядь Вить! – Бросился ко мне Дима, – Еб твою ма-а-а-ать... Да ты весь в крови...

– В печень прилетело, – проговорил я с трудом, чувствуя, как сильно хочется спать. Силы медленно покидали меня сквозь раны.

– Нужно скорую! – Димка достал телефон непослушными руками.

– Не успеют они, – ответил я спокойно.

Я ощущал, как кровь уже пропитала ткань на спине.

– Сука! – Выкрикнул он и, отбросив телефон, принялся запоздало зажимать раны.

– Все нормально, Дима, – ответил я, холодным умом понимая, что сейчас случится, – все нормально. Только холодно.

– Щас... Щас все будет, дядь Вить.

Димка принялся стягивать с себя бушлат. Я увидел, как

подросла и девчонка. Бледная как смерть она торопливо болтала по телефону. Видать, вызвала скорую.

Последним, что я помню был момент, когда Дима накрыл меня бушлатом. Это оказалось лишним. Холодно мне уже не было.

Армавир. Февраль 1993 года.

Мне было холодно. Пальцы ног замерзли особенно сильно, и я машинально, сквозь полудрему пошевелил ими, чтобы немного разогнать кровь.

Вокруг шумело. Станный белый шум напоминал звук радиопомех. В следующее мгновение резко началась песня: Фаина, Фаина Фаина, Фаина, Файна-на.

Она выбила меня из полудремы, которая, минуту назад, казалось, была настоящим глубоким сном. Или... смертью?

Я вскочил и ударился головой о потолочную обивку салона машины. Глубоко дыша, уселся на месте, стал торопливо ощупывать бок. Тело было сухим. Быстро расстегнул дутую кожанку, в полутьме задрал вязаный свитер, оголив поджарый торс. Ран не было.

– Что? – Проговорил я странно молодежьим голосом.

Автомобиль разрывалась песней группы НА-НА: Ай, где же счастье словно талый снег? Где же, Фаина, твой серебристый смех? Прячешь ты глаза от меня...

– Что за черт? – Проговорил я в недоумении.

В следующее мгновение в голове щелкнула новая очень

яркая мысль: “Я чувствую ноги”.

– Холодно... – прошептал я, – ногам холодно...

Сам не свой я дернул крючок автомобильной двери и выбрался наружу. Замерзшая слякоть захрустела под... ногами. Изумленный я сделал несколько шагов. Это было невероятно... Просто незабываемо!

– Какого... черта? – Сглотнул я, а потом стал осматривать руки, ощупывать свое тело. Молодое тело. Ни живота, появившегося с возрастом, ни боли в суставах, которая стала следствием долговременных тренировок в зале. Ничего этого не было.

Я торопливо опустился к боковому зеркалу заднего вида, под светом уличного фонаря попытался рассмотреть свое лицо.

– Как? Я же умер, – прошептал я.

Я же умер минуту назад! Но сейчас на меня смотрел... я сам! Только моложе лет на тридцать: яркие, решительные глаза молодого амбициозного человека, волевой подбородок, тонкие губы и короткие черные волосы с легкой челкой на высоком лбу.

– Я что? Сплю? – Прошептал я, или я... спал, и вся эта жизнь старого инвалида в коляске была одним сплошным кошмаром?!

Тогда я огляделся. Морозная ночь, одинокий уличный фонарь. Моя собственная пятерка жигулей одиноко стоит у тротуара. Вот только купил я ее подержанной в середине де-

вяносто второго года, а потом быстро сменил на другую машину. Какого хрена творится?!

За тротуарами темным массивом развернулся закрытый рынок. Только маленький зеленый вагончик-ларек подсвечивал пешеходный путь. Возле оконца ларька притаптывал от холода какой-то парень.

Внезапно на запястье что-то пикнуло. Я вскинул руку, чтобы глянуть, что это такое. Когда одернул куртку, меня встретили золотистые в свете уличного фонаря часы Монтана. Мои часы Монтана с орлом на задней крышке... На циферблате можно было разглядеть время: восемь ноль, ноль, и календарную пометку "Fri", то есть пятница. Зажав левую верхнюю кнопку, я увидел дату и месяц: двенадцатый день второго месяца.

– Двенадцатое февраля... – Проговорил я как замороженный. – А год?

Словно пьяный, я пошел к ларьку и тронул парня, что там стоял, за плечо.

– Эй, друг, – позвал я. – Какой щас год?

Мужчина вздрогнул и обернулся.

– Витя, ты чего? – Удивленно глядя на меня, спросил Саня Шелестов.

Глава 2

Это был Шелестов. Молодой, худощавый, одетый в дубленку, высокую меховую шапку и красный шерстяной шарфик. Шелестов обернулся ко мне, держа пакет с какими-то пирожками.

– Витя, ты чего, В смысле, какой год?

Вот он. Тот самый человек, из-за которого жизнь моя и моих друзей пошла под откос. Тогда почувствовал я такую злость, которая могла мной завладеть только в молодости.

Видя мой тяжелый взгляд, Шелестов переменился в лице, испугался.

– Февраль девяносто третьего, – проговорил он полушепотом.

Когда увидел Шелестова, красная пелена застила мне глаза. Все потерял я из виду, кроме напуганного белокожего лица Александра Шелестова. Что-то, над чем я давно уже взял верх в силу возраста, победило меня.

Я стиснул зубы и в следующий момент схватил Сашу за пушистый ворот куртки. Бабахнул его спиной о стенку железного ларька так, что Шелестов выронил пакет с пирожками.

– В-витя! – Хрипло вскрикнул Шелестов, когда мы замерли, глядя друг другу в глаза.

– Э! Вы чего там?! – Выглянула из окошка продавщица.

Я не обратил на нее внимания.

– Витя... Т-ты... чего? – Пробормотал Шелестов. – Что на тебя нашло?..

В глазах его блеснул настоящий ужас. А еще, сейчас он был прав: что-то на меня нашло. Что-то странное. Отведя взгляд от лица Шелестова, я силой воли подавил в себе желание просто придушить его прямо там. Отпустил Александра, отступил на шаг.

Испуганно глядя на меня, он остался прижиматься к стенке.

– А ну, идите отсюда! А то позову сейчас кого надо! – Закричала на нас продавщица из ларька. – И духу вашего тут не будет!

– Тихо-тихо, – сказал я, взяв себя в руки. – Нормально все, тетя. Пирожки, вон, уронили.

Продавщица показала нам побелевшее от страха лицо, потом, забормотав что-то невнятное, спряталась за окошком ларька.

– Да-да, все хорошо, – отдышался Шелестов. – Эт я за пирожками нагибался и на! Прямо головой об стенку!

Он растерянно рассмеялся. Но продавщицы и след простыл. Она укрылась где-то в недрах своего вагончика.

– Что с тобой, Витя? – Спросил Шелестов полушепотом.

А я и сам медленно осознавал, что же со мной происходит. Лишь две минуты назад я умирал в луже собственной крови, а теперь все это: моя старая машина, песни из девяностых по

радио, часы Монтана, которые я носил с девяносто первого по, где-то, девяносто четвертый... Неужели я умер и попал?..

Оставив Шелестова в ожидании, я просто огляделся. Армавирская улица Мира – одна из главных улиц в городе. Полная выбоинами, без разметки, грязная, она уходила куда-то вдаль и терялась за поворотом, между низкоэтажной застройкой. Всюду на электростолбах висели фонари, часть из которых не работала. У дороги с одной стороны протянулся тротуар, с другой – большая пустая стоянка. Вдоль тротуара ларьки и торговые лавочки. Их обшарпанные изношенные вывески смотрели на грязную дорогу. На ближайшей лавке витиеватыми буквами написано: “Парикмахерская Елена”.

Над головой и немного за спиной пролегает высокий мост через железную дорогу. Старый, давно не ремонтировавшийся, снизу он выглядел как скелет огромного существа: обшарпанные колонны, крошащиеся от времени перекрытия.

Когда за спиной проехала машина, я обернулась. Это бежала по Мира одинокая белобокая восьмерка.

В изумлении я тронул свою щеку. Показалось мне на миг, что это все сон, и сейчас я не почувствую кожи своего лица. Однако я почувствовал.

– Ты чего застыл? Заболел, что ли? – Озабочился Шелестов. – У нас же сегодня важный день ты че? Мы к Злобину едем.

– К Злобину... – Повторил я.

Сергей Злобин – один “бизнесмен”, с которым свел нас Шелестов. Злобин поднялся быстро. Разбогател уже к концу девяносто второго. Таких в то время называли “насосами”. Шелестов хотел занять у Злобина денег на охранный бизнес. Стартового капитала-то у нас не было. Ну а мы и подкинулись, когда Саня наплел нам в три короба, что Злобин – честный бизнесмен, работает с американцами, а с местными бандосами дел не имеет. Ну мы, по сути, советские еще люди, ничего не смыслящие в том, что такое бизнес, и повелись.

– Да что с тобой, Витя?!

Убедиться мне нужно, что все это не дурацкий очень правдоподобный сон, а реальность.

Ничего не ответив, я просто ущипнул себя за оголенное предплечье. Почувствовал настоящую живую боль. Шелестов, изумленно наблюдая за мной, молчал.

А ко мне потихоньку приходило осознание случившегося: я умер и очнулся вновь молодым. Вот он я! Мои руки, мои ноги! Высокий, крепкий парень Двадцати четырех лет. Тело так и бурлило силой и... гормонами. Именно они сыграли, когда я чуть было не придушил Шелестова прямо у ларька. Благо смог себя сдержать, взять в руки. М-да, самообладания у меня теперь побольше, чем в двадцать лет. Намного побольше.

– Все нормально, – наконец ответил я односложно.

– Ты какой-то сам не свой сделался, Витя. Что у тебя такое? Мож случилось что-то?

– Ничего, – сказал я. – Делай что хотел, а потом давай в машину.

Оставив недоумевающего Шелестова у вагончика, я вернулся в свои жигули, зайдя в салон звонко хлопнул дверцей. Много мыслей крутилось в голове. Это ж, выходит, могу я заново прожить свою жизнь? Могу не совершить прошлых своих ошибок. Могу не остаться инвалидом в девяносто пятом году. Могу спасти от смерти всех моих: Женьку Корзуна, Ефима Иванцева, дядь Егора Елизарова... У Женьки же Димон весной родится...

И Оборона... Моя Оборона! Я смогу сохранить дело всей моей жизни, к которому шел с девятнадцати лет, обивая пороги забегаловок, стоя на их “воротах” вышибалой...

Мда... Сильно меня помотало после развала страны. Родился я в станице Красная, под Армавиром. Школу закончил хорошо, сходил в армию, ну и умудрился поступить в Армавирский Политех, на инженера. Учился строить, обслуживать и ремонтировать станки. Для этого пришлось мне с Красной переехать в город, оставив в станице мать-учительницу, да младшего брата-школьника. Когда был я на втором курсе, познакомился с Женей Корзуном, он и притащил меня на подработку – постоять на “воротах” в одном не совсем легальном кафе Армавира. Нужно было помогать Матери.

После обучения я поступил на работу, на Армавирский машиностроительный завод. А страна тем временем давно уже умирала, да и треснула по швам... В общей сложности

проработал я на заводе меньше полугода, поняв, что денег, содержать себя и мать с братом тут мне не видать. Пришлось возвращаться к шабашкам вышибалой.

В Красной тоже было не лучше: Новатор, тамошний колхоз, начал запустевать, и люди спасались приусадебными участками.

А у меня дела шли не так уж плохо. Был я крепким, с железом на ты, ходил тренироваться в спортзал при политехе. Даже был там заведующим одно время. Поэтому крепкие мои руки спасли меня и моих мать и брата от совсем тяжелой жизни. Там, в кафе и ресторанах, на воротах и познакомился я с остальным костяком “Обороны”. Там и зародилась у меня идея стать профессиональным охранником.

Это тогда, в девяностых, неопытным молодым человеком, набивал я шишки, да учился на собственных ошибках. А вот теперь я уже ученый. Смогу легко возглавить охранный бизнес. Вот только для того, чтобы спасти всех, самому спастись да сохранить охранный бизнес за собой, придется мне перво-наперво кое-что сделать – исправить главную свою ошибку.

Я протер запотевшее стекло пятерки, глянул на Саню Шелестова, который мялся все еще у ларька.

А все ведь пошло не так из-за Шелестова. Он обманул нас, связался со Злобиным, с бандитами. Ну и договорился с ними за нашей спиной, отдав наш бизнес на откуп... Сукин сын...

Шелестов всегда был прохвостом. В свои двадцать три он имел среднее бухгалтерское образование, отлично считал деньги. Даже работал на одного бизнесмена, помощником бухгалтера. Потом проворовался под руководством своего начальника. Того братки вывезли куда-то в посадку, а Саня отделался тем, что у него забрали машину и квартиру. Пришлось ему снять крохотный жакт почти под мостом. Шелестов всегда был амбициозным и мечтал подняться. Плевать ему было как именно. Главное залезть повыше.

Конечно, обо всех этих историях и его амбициях узнали мы гораздо позже, в девяносто пятом, после того как в офис Обороны нагрянули бандиты...

Эх... мы думали, что Саня – простой открытый рубаха-парень. Да и никаких косяков за ним никогда не было. Работал себе спокойно бухгалтером эти три года, с самого открытия Обороны. А потом вскрылось, что он с говницей в нутре своем, да только было уже поздно.

Глядя на узкую спину Сани Шелестова, я ясно осознавал: если я хочу, чтобы все мои друзья остались живы, а я не стал инвалидом, сделку со Злобиным нужно сорвать. Убедить остальных, что иметь с ним дело – тухлое занятие.

Дверь в салон с хрустом открылась. Придерживая свою меховую шапку в машину, залез Шелестов.

– Ф-у-у-у-у-х, – выдал он, когда сел. – Блин! Холодно тут у тебя! Таким макарон шас наши пирожки заеденеют. Вить? Ты чего такой? Скрытный какой-то, неразговорчивый.

– Ничего, – ответил я.

Я глянул на Шелестова, который пару мгновений смотрел на меня, а потом отвернулся к окну. Зашуршав пакетом, достал пирожок, стал есть. Я же, чувствовал при этом воодушевление. Смотрел на Шелестова, и было у меня такое чувство, будто поймал я мерзкое назойливое насекомое, которое долго портило мне жизнь.

– Знаешь, Витя, а я рад, что с тобой познакомился, – сказал он, быстро съев пирожок и теперь вытирая руки газетой. – Какой-то ты особенный, что ли. Молодой, а люди за тобой идут. Вон, ты даже дядь Егора умудрился уболтать на то, чтобы открыть охранное агентство, а он, старый, етить его, мент в отставке, упирался. А я думаю, хорошо, что он с нами. У него ж в МВД большие связи. В нашем будущем деле будут нелишними. А еще я слышал, что у него даже среди бывших комитетчиков есть друзья.

– Знаю, – буркнул я.

Потом потянулся к плоской крышке бардачка пятерки, открыл. На дверцу тут же посыпались туго уложенные в бардачок кассеты. Музыку я всегда любил. Особенно рок. В основном русский. Решил послушать что-нибудь, чтобы перебить болтовню Шелестова.

– Ого! Витя, где ты их достал? – Спросил Шелестов, рассматривая кассету Наутилус Помпилиус. Альбом “Разлука”.

– По знакомству, – ответил я и забрал у Шелестова кассету.

Достав ее, вставил в свой филалипс. Ох, как же гордился я этой своей магнитоной. Немало мне пришлось потрудиться, чтобы ее тогда достать и приладить к своей машине. От этих мыслей на душе стало теплее. Все же, в эти беспокойные девяностые года мы умели радоваться малому. Умели жить на всю катушку.

Я щелкнул плей, и в салоне заиграла песня Взгляд с экрана: “Ален Делон говорит по-французски, Ален Делон, Ален Делон не пьёт одеколон...”

Быстро щелкнув стоп, я перемотал кассету, включил снова. Попал на Скованных одной цепью. Бутусов потянул:

Круговая порука мажет, как копоть.

Я беру чью-то руку, а чувствую локоть.

Я ищу глаза, а чувствую взгляд,

Где выше голов находится зад.

За красным восходом – розовый закат.

– О! Классная песня! – Заулыбался Шелестов.

М-да... Я видел перед собой еще молодого, улыбчивого и, на первый взгляд, доброго Саню Шелестова. Показался он мне жалким, недостойным внимания, недостойным того, чтобы силы на него тратить. Но потом я взял себя в руки, стал держать в голове, какой же мразью он, в конце концов, окажется. При всех ужасах девяностых можно отдать этому времени должное. Люди тогда проявляли себя во всей красе: кто-то оказывался человеком с большой буквы, а кто-то последней мразью. Никакого лицемерия.

Щелкнув замком зажигания, я завел двигатель.

– У тебя дома телефон есть? – Спросил я.

– Нету. Но у соседки, тети Фроси есть, а что?

– Позвонить нужно. – Проговорил я.

– Это кому? – Не понял Шелестов. – Мы ж на сделку опоздаем! Нам к девяти!

– Не опоздаем, – глянул я на него холодно, и Шелестов как-то съёжился под моим взглядом.

– Ну... Ну ладно. Если ты говоришь, что не опоздаем, то поехали. Только давай быстро, ладно, Вить? А-то мало ли чего.

Не ответив, я тронул машину. Повел ее направо, под мост, туда, где в конце улицы был поворот к дому Шелестова. Жил он недалеко. Снимал квартиру в одном из небольших жактов, которыми полнился центр города. Люди жили там в одноэтажных многоквартирных домишках по две, по три квартиры, и зачастую делили один крохотный дворик на несколько семей.

Я подъехал к зеленому, облупленному от времени забору. Именно за ним и располагалось нынешнее жилище Шелестова. Когда остановился, то заметил рядом с калиткой, в сугробе, что высился у тротуара, что-то странное. В полутьме, разгоняемой одними лишь тусклыми лампочками на жактовых крылечках, виделось это что-то как куча мусора или тряпья.

– Ну, давай только по-быстрому, – сказал Шелестов и вы-

шел из машины.

Выйдя следом, я пошел не к калитке, как сделал Саня, а к куче тряпья, что оказалась живым человеком.

– Вить, ты чего? – Обернулся Шелестов, едва тронув калитку.

Опустившись рядом с незнакомцем, я отодвинул со лба его старую ушанку. Глянул на грубое лицо.

– Ну кто там? – Подошел за спиною Шелестов. – А! Так это ж дядя Сережа Измайлов. На автобусе работал, а как уволили, так забухал. Ты не переживай, он мужик закаленный. Э! Дядь Сереж! – Крикнул Шелестов.

Мужчина не отреагировал. Ни одна мышца на его лице не дрогнула. Я тронул ему шею. Почувствовал ровный пульс.

– Живой, – проговорил я.

– Ну и отлично. Пойдем. Времени мало. А он щас оклемается. Дядь Сережа, он такой: идет с пьянки, бухнется где-нить. Полежит-полежит и встает. Дальше идет.

– Он тут живет?

– Ну да. Во дворе, третий дом, – ответил Шелестов.

Нельзя его тут бросать. Сам идти он не сможет, а к утру замерзнет насмерть. Так что я решил затянуть его домой. Шелестов должен знать, в каком жакте он живет. Я похлопал мужика по карманам шубы. Забрался в один и вытянул короткий ключик на веревочке. Встал.

– Хватай. Донесем его до дома.

– Вить, ты чего? – Удивился Шелестов. – Да он щас вста-

нет! Дядь Сереж! Вставай!

Мужик зашевелился, что-то пробурчал под нос.

– Во! Видишь?! Нормально все с ним. Не пропадет. А если ты его щас потащишь, так мы точно опоздаем, вон сколько времени уже!

Шелестов задрал рукав куртки, показал мне свои механические Orient три звезды. Ох и гордился он этими часами. Рассказывал всем, что подарил их ему американец, с которым познакомился Шелестов где-то в Москве, когда гостил у родственников.

– Хватай, говорю, – сказал я, взяв мужика за руки.

– Витя, да ты че?!

– А, черт с тобой, – проговорил я и потащил его сам.

Мужчина заурчал что-то невнятное, когда я вытянул его тело из сугроба. Пнув ногой калитку, я втащил пьяного во двор.

– Ну мы с тобой точно опоздаем! Чего ты вообще такое творишь?!

Шелестов все же схватил мужика за валенки, с трудом оторвал от земли. Так, мы и потянули его к ближайшему жактику, где в крохотном окошке горел свет. Дорогу показал Шелестов, знал, где живет мужчина.

На пороге я постучался. Открыли почти сразу. Из-за двери выглянула и удивленно уставилась на нас полная женщина в теплом жилете и простой юбке.

– Ваш? – Спросил я, кивая на пьяного.

– Сережа! Что с ним?! – Испугалась женщина

– Пьяный. Упал, до дома не дошел. Но не переживайте, живой.

Опять упал! Скорее, вносите его внутрь! Давайте!

Суется, словно курица, женщина широко распахнула дверь, посторонилась, чтобы мы вошли.

– Давайте его сюда, в прихожку, на диван. Тут потеплее!

Мы спустились по крутым ступенькам, пронесли пьяного через крохотную кухню, уложили на диван. Хозяйка тут же стала стаскивать с него обувь, снимать шубу.

– Спасибо! Спасибо вам, ребятки! – Глянула она на меня, не отходя от мужа. – Сережа у меня сейчас в беде настоящей! всю жизнь справным мужиком был. Водителем! А как на городской автостанции пошли сокращения, как уволили, так запил, что сил никаких на него нету! Вот что с ним делать? Второй раз уже так, за зиму. В первый хоть растолкали, а щас бы и помер, если б не вы!

– Да ладно! Чего там? – Разулыбался Шелестов, – нам несложно. Как же так можно-то, пройти мимо, когда человек в беде?

– Ух. Чего-то у него жар, – пощупала лоб женщина. – Горит весь! Вызову-ка скорую от греха подальше!

Она побежала в соседнюю комнату, я услышал характерный звук телефонного диска.

– О. Повезло, – проговорил Шелестов. – Можно отсюда позвонить.

– Чем я вас поблагодарить-то могу? – Вернулась женщина. – Может, чаю? Или голодные? Я тут пышек напекла. Не хотите? С медом!

– Да не, спасибо, – Я улыбнулся. – Можно я от вас позво-
ню?

– А! Да-да, конечно!

Женщина провела нас в соседнюю, широкую комнату, огороженную от прихожей прибитым к косяку покрывалом. Ну, чтобы теплее было. Тут, на тумбе, рядом с разложенным в кровать диваном стоял дисковый телефон.

– У тебя твоя записная книжка с собой? – Спросил я у Шелестова.

– Ну да. Ты ж знаешь. Я с ней и не расстаюсь совсем. Из дома без нее не выхожу.

– А ну, дай.

– Эт зачем?

– Дай, говорю, – глянул я на него строго.

Шелестов округлил глаза. В них блеснул страх. Однако он все же расстегнул куртку, полез во внутренний карман. Вытащив книжицу в черной дерматиновой обложке, передал мне.

Я полистал, быстро нашел в печатном бухгалтерском почерке Шелестова нужные строчки, неловко покрутил диск (отвык уже от таких старинных вещей). Прислонил трубку к щеке.

– Кому ты звонишь? – Прошептал удивленный Шелестов.

Не прошло и двух гудков, как мне ответил приятный женский голос:

– Да, Алло.

– Здравствуйте, – заговорил я. – Я попал к Сергею Злобину?

Глава 3

– Да, к Сергею Павловичу.

У Шелестова глаза стали как два пятака. Он быстро-быстро заморгал.

– Меня зовут Виктор Летов. У меня с ним встреча в девять вечера.

– Секундочку, сейчас посмотрю.

Пару мгновений я слышал в трубке шелест бумаги. Потом девушка снова заговорила:

– Да, совершенно верно. Летов Виктор и Шелестов Александр. На девять вечера.

– Прекрасно, – ответил я. – Отмените. Скажите Сергею Павловичу, что мы передумали.

– Ты чего творишь, Витя?! – Полушепотом зашипел Шелестов. – Ты с ума сошел?!

– Поняла. Может, что-то передать? – Спросила секретарша.

– Дай! Дай мне трубку! – Тянул к телефону руки Шелестов, но я отмахнулся.

– Нет. Ничего не надо. До свидания.

Положив трубку, я посмотрел на Шелестова.

– Ты чего?! Ты... да ты... – Задыхался он.

Явилась хозяйка, обеспокоенно посмотрела на нашу перепалку, но сказать ничего не решилась.

Я посмотрел на нее успокаивающим взглядом и сказал:

– Не беспокойтесь. Все хорошо, мы уже уходим.

Чтобы не ругаться в чужом доме, пришлось вытолкать возмущенного Шелестова на улицу. Тот сопротивлялся, пытался возникнуть:

– Витя, что ты учудил?! Ты все нам испортил! Не будет денег, не будет и охранного агентства!

– Ну... Ну спасибо вам! – Несмело закричала вслед хозяйка, но тут же закрыла за нами дверь.

Схватив Шелестова за грудки, я заглянул в его заблестевшие от досады глаза.

– С этого дня, – проговорил я, – мы с тобой больше не работаем.

– Что?! Как это не работаете?!

Ничего не ответив Шелестову, я продолжал оттягивать его от жактов, к центру двора.

– Да что на тебя нашло, Витя?! Ты так долго уговаривал мужиков основать агентство, а теперь все сам же похерил!

– Успокойся, – встряхнул я Шелестова.

– Да ты...

– Успокойся, сказано тебе.

Шелестов застыл в моих руках.

– Падла ты, Саша, – продолжил я, – думал, не узнаю, что ты с братками, с Черемушек связался?

Шелестов выпучил на меня свои изумленные глаза. Даже рот открыл. Хотел что-то сказать, но закрыл обратно. С тру-

дом сглотнул.

– Я вообще не понимаю тебя... Какие братки?.. – Заговорил он несмело.

– Не притворяйся дурачком. Ты пытался скрыть это все от нас. Знаешь же, что Злобин связан с Черемушками. Вернее, у него с ними терки. Сопrotивляется, не дает подмять себя полностью. А ты через Черемушек хотел его шваркнуть. А потом и нас шваркнуть.

– Я... Я вообще не понимаю... – Совсем растерялся Шелестов.

Я отпустил Шелестова. Тот, изумленно посмотрел на меня, поправил ворот куртки. Ум у Шелестова был быстрый, и удивление его очень скоро прошло. Догадался он, что я все знаю, и отпираться нет никакого смысла. Ох и будет же он ломать себе голову: как это я так всю его крысиную схему выяснил?

Подняв упавшую свою шапку, Шелестов добавил:

– Ты мужикам все равно ничего не докажешь. Не убедишь их, чтобы они отказались делать охранное агентство. Где ты возьмешь денег заплатить за помещение? Где возьмешь денег на форму? На оформление лицензий? На оружие, в конце концов?! А у Злобина они есть! И долг ему даже отдавать не придется! А у пацанов с Черемушек есть своя, наработанная клиентура! Клиентуру, где ты возьмешь?!

– Все это не твои проблемы, Саша, – сказал я спокойно. – Ты больше не с нами. Не подходи ни ко мне, не к мужикам.

Увижу – зубы повыбиваю. Понял?

– Зря ты это все... Очень зря... – Проговорил Шелестов, глядя на меня волком. – без меня ничего у вас не выйдет! А я без вас и сам поднимусь! У меня за спиной такие люди, что тебе и не снилось! Я с Седым знаком! Знаешь Ивана Павловича Седых? Вот какие люди за мной! Потом все будете на меня горбатиться! Понял меня, козлина?!

Я хмыкнул. Седой – известный бандит в городе. Как раз один из главарей Черемушек. Не удержал ты, Саня, язык за зубами. Изошел на говно.

Я приблизился к нему. Шелестов, до которого дошло, что я хочу сделать, дернулся было, но я снова схватил его за грудки. Дал под дых так, чтобы пробить толстую дубленку, чтобы стало ему почувствительнее.

Шелестов загнулся. С шипением выпустил воздух, повис на моем кулаке. Потом стал издавать такие звуки, будто его сейчас вырвет. Я брезгливо отступил, и Саня грохнулся на колени, потом на четвереньки, схватился рукою за живот.

Пока я шел со двора, на выход, он хрипел что-то за моей спиной. Пытался что-то сказать, но получалось неразборчиво. Я уже ничего не слушал, потому что сказал все что хотел.

Шелестов, больше не пытался говорить, а только глотал ртом воздух, старался восстановить сбитое свое дыхание. Слышал он в вечерней тишине, как под тяжелыми ботинками Летова хрустит замерзшая слякоть, как грекает за его

спиною железная калитка.

Несколько минут Шелестову потребовалось, чтобы восстановиться, встать на ноги и нормально продышаться. Звонкая боль в животе перетекла в ноющую, однако злоба его осталась звонче некуда. И как он, Летов, умудрилась его раскусить? Шелестов, вроде, предпринял все, чтобы “лошки” как он называл мужиков с Обороны перед братками, ни о чем не узнали. Думалось ему, что все свои встречи с пацанами, с Черемушек он тщательно конспирировался, все контакты с Седым прятал, как только мог. А все равно Летов догадался? Как?!

Уж никак он не мог подумать, что такой дуболом, как Витя Летов сможет его как-то перехитрить. От этого сделалось Сашке Шелестову так погано и досадно, что он сплюнул, но потом тут же поморщился от боли в животе.

– Ну ничего... Я тебя, сукина сына, достану... – Прошептал он себе под нос, а потом похромал к жактам.

Шел, однако, Шелестов, не к себе домой. Пройдя мимо приземистой, сделанной из старого кирпича, своей квартиры, он направился дальше, к соседнему полуторозтажному домику. Было в нем две квартиры: одна полуторная, наполовину уходила в землю, другая – первый этаж, добраться до которого можно было только по хлипкой лесенке, что вела на деревянное крыльцо.

Шелестов так и поступил. Скрипя ступеньками, он кривился и пыхтел от боли в животе, поднимаясь все выше. С

каждым скрипом росла в нем мерзкая злоба, которая бывает у койота на отобравшего у него добычу волка.

Саня постучался в дверь.

– Теть Фрось? Теть Фрось, ты там?

За дверью послышалось копошение, шаркающие шаги.

– Кто? – Нараспев зычным голосом, раздался вопрос. – Нету у меня самогонки, не нагнала покамест.

– Теть Фрось, да это я, Саша Шелестов, – залезбизил он у двери. – Я не за самогонкой. Телефон мне надо. Можно, позвоню?

– А. Ты, Сашенька? – Ответила Тетя Фрося и защелкала дверными замками.

Спустя мгновение она высунула сухошавое, морщинистое свое лицо наружу. Была Тетя Фрося знаменита в округе. Шелестов догадывался, что Серега Измайлов, которого они затянули к жене в хату, с Фросиной самогонкой куда-то гулять ходил, потому как Тетя Фрося всю ближайшую округу неплохо припаивала. Делала бизнес.

Женщина лет под шестьдесят, тетя Фрося была щупленькая и сухенькая, слегка скрюченная. Серые ее, с легкой проседью волосы убирала она в небрежную худенькую косичку.

Шелестова соседка встретила одетая ни то в два, ни то в три грязноватых халата, один на другой. Несмотря на худую и хрупкую свою комплекцию, отличалась Тетя Фрося сильным зычным голосом. Часто Шелестов слышал прямо из своей квартиры, как звонко она ругается с очередным недо-

вольным клиентом.

Сашу Шелестова тетя Фрося любила. И любила в основном за то, что привел он ей за алкашкой ни одного и не двух новых клиентов. Правда, с одним из них получилось не очень: в тот раз тетя Фрося распродала какой-то левый спирт, и мужик ослеп после литрушки. Про тот случай они с Шелестовым предпочитали не вспоминать.

– Конечно-конечно, Сашенька. Не признала тебя сразу, задремала у телевизора и вот, – Торопливо залепетала тетя Фрося и запустила Шелестова внутрь.

Тот прошел в продолговатую прохладную прихожу, заполненную банками с мутноватой и другой, прозрачной, но какой-то желтоватой жидкостями. Про то, что самогонки у тети Фроси нет, она явно приврала. Банки покоились прямо тут, на застеленном газетами деревянном крашеном полу.

Тетя Фрося провел его вглубь квартиры, в небольшой свой зал. Там, на подоконнике, у телевизора и стоял бледно-желтый с черными кнопками телефонный аппарат.

Саша снял трубку, на память набрал номер. Стал ждать, пока ответят.

– Да? Кто? – раздался на том конце грубый мужской голос.

– Алло, это Саша Шелестов.

– А. Здорова, Санек. – Голос слегка помягчел, но не сильно. – Че надо?

– Вячеслав Евгеньевич, вы это? – Узнал Саня по голосу. Знал он также что кличка у Вячеслава Ивановича была

“Косой”, но по прозвищу называть его Саня боялся. Саня позвонил пацанам с Черемушек. Очень он боялся рассказывать им эти плохие новости, что Летов сорвался с крючка. До смерти боялся. Однако последствий, если не рассказать, боялся еще сильнее.

– Ага. Быстрей давай, время не трать.

– Вячеслав Евгеньевич, а Иван Павлович на месте? У меня для него срочные новости. – Заторопился ответить Шелестов.

– Ты время видел? Какой на месте? – Грубовато ответил Косой. – Иван Павлович в баню уехал. Пятница как никак. Че у тебя там за важные новости. Говори.

Шелестов громко сглотнул в нерешительности. Поймал на себе обеспокоенный взгляд тети Фроси. Поборовшись с собой пару мгновений, он, наконец, решился:

– Вячеслав Евгеньевич, Летов с крючка сорвался, – оттого, что Саня только что сказал, у него самого побежали мурашки по спине, и он добавил нерешительное:

– Кажется...

– Че? Ты про че? Говори по-русски, че тебе надо. Не нервируй.

– Летов как-то узнал, что я с вами работаю, ну и отказался от сделки со Злобиным. Не ходили мы сегодня никуда. – Выпалил Шелестов на одном дыхании.

На том конце воцарилось гробовое молчание.

– Но... Но Летов не один в ихней компании рулит. Там и

другие есть мужики. – Заторопился Шелестов, как бы себя оправдывая. – Я попробую их как-то убедить еще. Поговорю. Что-нибудь придумаю.

– Значит, сорвался. – Косой пропустил его оправдания мимо ушей.

– Я еще что-нибудь придумаю. Попробую как-то уговорить, как-то... что-то...

– Знач так, фраер, – раздалось на том конце провода. – Я передам Ивану Павловичу. Завтра в три часа у нас как штык, понял? Иван Павлович порешает, что с тобой делать, а что с Летовым.

Холодный пот выступил у Шелестова на спине до самой жопы.

– Да ты не очкуй, Санек, – панибратски заговорил Косой. – Нормально все будет. Нормально. Порешаем.

Да только звучала в этой его последней фразе, какая-то угрожающая нотка.

Домой я вернулся минут через тридцать. Оставил машину под фонарем, во дворе. Отсоединил переднюю панель магнитолы, сунул в карман. Все же не две тысячи двадцать четвертый. Утром придешь, а машина вскрытая, магнитолы нету.

Жил я в небольшом старинном особняке, что располагался на углу двух улиц: Полины Осипенко и Дзержинского. Высокий одноэтажный дом с многочисленными, но неболь-

шими комнатами, высоченными потолками и маленькими окошками, венчал, по армавирскому обыкновению, небольшой купол на фасаде. Особнячок этот до революции принадлежал какому-то мелкому дворянину из черкесогоев. С приходом советской власти в нем были организованы коммунальные квартиры.

Со временем жилье отреставрировали. Многочисленные комнаты и общие помещения переоборудовали в несколько просторных квартир, куда селили советскую рабочую элиту – инженеров, помогавших восстанавливать производства города после войны.

Дочка такого инженера, которую звали Валерия Павловна, как раз и владела самой большой двадцатиметровой квартирой в доме, ну и сдавала три из четырех своих спален, не считая гостиной и кухни, в аренду. Как раз тут я и снимал небольшую комнатку. Это место я запомнил на всю жизнь. Больно колоритные соседи по коммуналке тут попадались.

В доме, в оставшихся трех квартирах, проживали и другие соседи: старенькая бабушка-одиночка; молодая семья, занимающаяся, вроде бы торговлей шмотками на рынке (они тоже сдавали комнату, но я уже не помню кому); старый дедкаш, который, чуть что, хватался за ружье, если ему не занять денег на синьку. Благо ружье было, обычно, без патронов.

Я вошел в главный вход. Тут протянулся общий коридор. Две из трех квартир располагались справа, моя – слева. Я

прошел, к ней. Замер у порога. За дверью говорили приглушенные голоса. Ах да. Вспомнил я, кто ходил у Валерии Павловны в жильцах, в тот период, когда я у нее проживал.

Самую большую комнату занимала молодая семейная пара: милая девчонка, да парень, вроде бы мелкий служащий в какой-то частной конторе. Во второй, самой большой по размеру, жила сама хозяйка. Я же поселился в небольшой, но светлой комнатке с окном. А вот третьего жильца Валерия Павловна подселила себе на голову. Я бы даже сказал, на свою злую судьбу.

Я дернул ручку. Закрыто. Тогда стал хлопать по карманам, искать ключ. Найдя, отпер вход.

– Да-да, Валерия Павловна. – проговорила молодая девушка с пышным начесом на темных волосах. Одета в цветной халатик по точеной фигурке, она стояла в дверном проеме своей комнаты. – Помню, что через три дня квартплата. Муж вам занесет.

– Простите, у меня такие порядки, – проговорила Валерия Павловна. – Заранее напоминаю. Больно часто мне жильцы попадают, кто проплату забывает.

С этими словами женщина бросила взгляд на дальнюю прикрытую дверь в комнату третьего жильца.

– Здравствуйте, – закрыл я за собой входную.

Женщины глянули на меня, как только я зашел в широкую прихожую. Тут были очень высокие потолки, старинная лаковая мебель, белые стены и желтоватые разводы на потолке.

– Ой, привет, Витя, – улыбнулась неловко девушка. На щечках ее тут же появился румянец.

Валерия Павловна суховато поздоровалась и тут же заявила:

– Через три дня...

– Квартиплата, помню. – Ответил я.

– Ну вот и хорошо. – Буркнула она и обернулась к приоткрытой двери. Несмело к ней зашагала.

Я встретился взглядом с девушкой. Та посмотрела очень смущенно, потом спрятала взгляд.

– А мы, вот, с Сережей на день рождения к его начальнику собираемся, – буркнула она немного неуместно.

– Ну хорошо. – Я пожал плечами.

– Ну да...

Девушка явно растерялась и как-то замялась. В глазах ее поблескивал явный ко мне интерес. Не, извини, девчоночка, как там тебя по имени, запоматывал, но на замужних я не очень. С женщинами у меня и без тебя проблем в молодости не было.

– Ну... Ну пока, Витя, – улыбнулась она, несмелой улыбкой.

– Да, пока, – сказал в ответ, но улыбнулся открыто, хоть и одними губами.

Девушка повременила закрывать дверь, словно хотела еще посмотреть на меня, а потом все же щелкнула дверью.

Я пошел к своей комнате, но замер на входе, глянул на

хозяйку. Все потому, что у нее с третьим жильцом – молодым парнем, что работал на загибающемся нынче армавирском мясокомбинате (и, насколько я знал, состоял в Мясуховской банде), начался занятный диалог.

– Ген, Гена! – Позвала женщина и оглянулась на меня.

– А! Да! Здравствуйте, тетя Валь.

– А это у тебя кто? – Удивилась хозяйка, когда парень открыл дверь и она заглянула в его комнату.

– Да друг мой, Игорем звать!

– Здравствуйте! – Раздалось изнутри.

– Ну... – хозяйка растерялась. – Я же предупреждала, что чужих водить ко мне нельзя... Что...

– Да ниче-ниче. Не переживайте. – Поторопился он ответить. – Игорь уйдет скоро.

– Ген, ну это же уже не в первый раз... Ну можно же как-то...

– Да ниче-ниче!

Валентина Павловна мялась под дверью, а рыжий парень по имени Гена – высокий и жилистый, одетый в вислые спортивные штаны и свитер в серых ромбах, выглядывал в дверной проем, придерживая дверь. Смотрел он на хозяйку снисходительно и немного хитро, будто сам был хозяином.

– И про квартплату напоминаю тебе, – совсем понизила голос Валентина Павловна. – Ты мне в прошлый раз не заплатил, я глаза на это закрыла. Ты так-то мальчик хороший. Потому я тебе навстречу и иду...

Я слышал в ее голосе, что ничего она не идет навстречу рыжему Гене, а боится его. Видать, знает она, что он из Мясуховских. Насколько я помню, через год Мясуховские сильно укоренятся в этой квартире. Они выживут остальных жильцов, а одинокую Валентину Павловну доведут до алкоголизма. А начнется все с него, с Генки.

– Да ниче-ниче. – Проговорил Генка. – Заплачу обязательно, не переживайте!

– Ну... Ну хорошо... – Не решилась возразить Валентина Павловна.

Не успела она попрощаться, как Генка закрыл дверь. Изнутри слышались тихие приглушенные разговоры. Хозяйка хотела было подслушать, но опять не решилась. Ушла в свою комнату. Я тоже пошел к себе.

М-да... Уже и забыл я, как хреново жил в эти времена, до основания Обороны. Эта комната была намного хуже моей съемной однушки из две тысячи двадцать четвертого. Было в комнатке – вот что: шкаф, койка под маленьким окошком, да тумба. На стене красный ковер, на высоченном потолке старинная разлапистая люстра и битая лепнина. В люстре горело только две лампочки.

Ну ничего. Я из этой кладовки выберусь и сделаю это гораздо быстрее, чем в прошлый раз, в молодости. С этими мыслями я лег на кровать и задумался.

Так. Я глянул на свою Монтану. Времени было полдесятого. В десять нужно позвонить в Элладу, там сегодня точ-

но кто-то из наших дежурит, насколько я помнил. Расскажу мужикам, все и про Шелестова, и про Злобина. Нужно решать, что делать дальше. Шелестов раскололся, признался про свою крышу, ну и может побежать к ней за защитой.

Ну, Седой, насколько я знаю, не совсем отбитый, под бизнесмена косит. Можно с ним договориться. Да только пока за нами никакой силы нет, о договорах и думать не стоит. Бандосы только силу уважают. И силу эту надо нам набрать в кратчайшие сроки. Была у меня по этому поводу идея, и было также для мужиков одно деловое предложение, как начать нам бизнес с Обороной.

Чтобы не терять времени, пошел я на кухню, что-нибудь перекусить. Глянул в низенький холодильник, немного растерялся. Был он единственным на всех жильцов и у каждого внутри была своя, отдельная полочка. Вот только забыл я, какая из них моя.

Меня выручили армейские консервы. В банке с желтенькой этикеткой стояла тушенка с мясом. Такое добро могло быть только у меня. Егор Степаныч, у которого в армии было много друзей, угощал, время от времени.

Мои консервы покоились на верхней полке, что была сразу под покрытой толстой наледью морозилкой. Правда, кроме консервов там было негусто: еще одна банка тушенки, паштет, да замотанный в пакет кусок сала. Он тут еще до меня лежал неизвестно сколько времени. Даже в будущем я не раз и не два про него за водкой прищучивал.

Долго думать я не стал, схватил свою гречку, открыл банку. Когда нашел на кухне мусорное ведро, увидел, что лежит там, сверху пустая банка из-под таких же консервов. Моих консервов. Интересно, это я их сам съел? Ну, тот, другой я, что был до перемещения, или кто-то еще? Пожав плечами, я кинул рядом и другую пустую банку.

Гречку с мясом разогрел я на сковородке, да сел у окна. Стал есть, задумчиво глядя на двор.

Минут через пять на кухню ввалились. Мясуховские: рыжий со своим дружкой – парнем лет двадцати, который, однако был не ниже меня ростом и почти таким же, широким в плечах, болтали о чем-то своем, неприятно гоготали.

Рыжий почти сразу заглянул в холодильник. Здоровяк же, схватил чужую кружку и полез в раковину, набирать под крапом воды, чтобы напиться.

– Не понял... – Прозвучал вдруг недовольный голос рыжего.

Я, смотревший до этого в окошко, потом глянул на рыжего Генку.

– Че за херня? – Продолжал он. – Кто мою гречку спер?

Глава 4

– Гена, – услышал я тихий голос здоровяка Игоря. – А вон.

Бросив на гопников взгляд, я увидел, как Игорь, опершись задницей о тумбу умывальника, скрестил руки на груди. Мясуховский смотрел хмуро, настороженно. Рыжий Гена поднялся от холодильника, закрыл дверцу.

Оба парня переглянулись.

– Извиняй, братан, – вдруг заговорил Гена вежливо, но с характерной для братвы интонацией, – разреши поинтересоваться, а? Ты под кем ходишь?

Знал я, что в те времена у Мясуховских терки были с пацанами из Черемушек. Делили они несколько автосервисов, расположенных на границе промзоны. Ну и, вроде как поделили. Теперь между бандами воцарился хрупкий мир, который ни те ни другие, не спешили нарушать.

– А ты как думаешь? – Спросил я уклончиво, а потом еще добавил: – Только недавно наши с вашими помирились, поделили мастеров с промзоны. Не уж-то хотите, чтобы все похерилось по пустякам?

Пацаны, хмурые как палена, переглянулись. Один приблизился, что-то шепнул другому.

– Ты с Черемушек, что ли? – спросил рыжий.

Я не подтвердил, но и не опроверг. Только хитро хмыкнул, многозначительно посмотрел на пацанов. Те замаялись.

— Ясно, — кивнул Гена.

— Ну, — Игорь тоже выпрямился, но рук с груди не снял. — Тут конфликт у нас назревает. Хотелось бы его так, без левых движений порешать. По-человечески.

Приняли меня за одного из братков. Что ж, помню я, что в молодости не раз и не два путали меня с бандитом. Еще бы: крепкий, хорошо сложен, лицо серьезное, взгляд тяжелый. Видели они во мне, по большей части человека, кто на свою силу полагается, кто принадлежит к бандитской стае. И иной раз я этим успешно пользовался.

Не сказав ни слова, я кинул на рыжего такой свинцовый взгляд, что парень даже разнервничался. Зрачки его голубых глаз растерянно забегали. Отвернул он своего дружка к стенке и стал с ним шептаться обо мне.

— Нехорошо у людей без спросу брать, — проговорил я.

— Что брать? — Испуганно глянул на меня рыжий гопник.

— Глянь в мусорном ведре. Что там лежит? — Спросил я.

Парни растерянно переглянулись. В нерешительности рыжий посмотрел на меня.

— Че, запахло в мусорку заглядывать? — Продолжил я поддавливать. — А чужие консервы брать не запахло?

— Да мы думали, — стал оправдываться Рыжий. — Думали, что они не твои, а кого-то из этих...

— Из чмошников, — пришел ему на помощь здоровый Игорь. — Если бы мы знали, что не лох их какой туда положил, а нормальный человек, то и не тронули бы.

– Ну вы тронули, – вздохнул я. – И че делать теперь будем? Как порешаем вопрос?

– Ну... У меня тут есть лавэ, – проговорил гопник и сунул руку в карман.

Наружу он извлек какие-то копейки, рубли, и несколько железных монет номиналом по сто рублей.

– Мало, – покачал я головой. – Вы, пацаны, не меньше чем на полторы тыщи консервов у меня нажрали.

– Да ты че, брат?! – Стал возмущаться здоровяк. – Тушенка щас по тыща сто, а там...

Он очень быстро утих под моим взглядом.

– Значит так, – я положил ложку и вилку. Откинулся на спинку стула. – На первый раз прощаю. Знаю я ваших, Мясуховских. И не понравится Горелому, если Мясуховские с моими пацанами снова закусятся. Живите пока. Но ты, – я кинул на Игоря. – Вали с хаты по добру поздорову.

Пацаны снова переглянулись.

– А че я? – Удивился Игорь.

– Жрете вы вдвоем сильно много. Пошли вон.

Пацаны снова переглянулись.

– Мы так-то хотели пожрать чего-нибудь. – Сказал Игорь необычно обиженно для гопников.

– Потом пожрешь. Когда друга своего проводишь на выход.

Пацаны, привыкшие к жесткой иерархии внутри банды, не решились идти в контры с незнакомым, как они думали,

бандосом. Мало ли что? Когда оба ушли из кухни, я снова отвернулся к окну. Сдержанно засмеялся своему поступку.

Времени уже было начало одиннадцатого. Поужинав, я почти сразу пошел в свою комнату, нашел там несколько тысяч рублями и пятьдесят долларов валюты. М-да, негусто у меня было денег. Нужно поправлять ситуацию.

После, я сразу направился к хозяйке, чтобы позвонить, ну и заранее заплатить за комнату. Вот только заплатить за следующий месяц мне наверняка не хватит. Ну ничего, как-нибудь заработаю.

Пересекая общую прихожую, я снова встретился со здоровяком Игорем. Он вышел из комнаты с большой клетчатой сумкой на плече. Игорь посмотрел на меня хмуро и немного недоверчиво, но пошел к выходу, открыл дверь каким-то ключом.

– Э-э, стой-ка, – позвал я его, пока тот не ушел.

– Чего? – Обернулся он.

– Чей ключ?

– Мой. Гена дал.

– А ну, – я подошел, протянул руку. – Дай.

– Это мой.

– Игорь, – глянул я на него очень холодно. – Ты давай, не доводи до греха. Горелый тебе за это спасибо не скажет. Ты ж знаешь, что у Мясуховских с нами мир шаткий.

Глаза молодого гопника расширились в кратком удивле-

нии, но он быстро задавил в себе эту эмоцию.

– Красавчик, Игорь, – хлопнул я его по плечу, ну давай, иди уже. И языком сильно не болтай, кого тут встретил. Бывай.

Молодых гопников за нос водить было легко. При всему моему отрицательному отношению к понятиям было в них и кое-что положительное: случалось так, что они заставляли людей, даже не самых хороших, вести себя удобоваримо. Все потому, что за любой косяк могли с тебя строго спросить.

Проводив здоровяка, я пошел к владелице квартиры.

– Валерия Павловна, можно вас? – Я постучался в закрытую дверь, прислушался, не звучат ли за ней шаги.

– Кто там? – Послышалось за дверью. А потом по полу ритмично зашарколо.

– Витя. Витя Летов.

Валерия Павловна пощелкала замками, выглянула из комнаты.

– Чего ты так поздно-то? Что-то хотел?

– Квартплату отдать, – я пожал плечами.

– А че щас? Еще три дня же.

– А я заранее, чтобы потом не переживать. Только напомните мне, сколько я вам должен?

Хозяйка удивилась, захлопала глазами.

– Тридцать, как и всегда.

Я достал из кармана доллары, стал отсчитывать.

– Пойдем, пойдем внутри, – опасливо поторопила меня

хозяйка и раскрыла дверь, пригласила зайти.

Внутри ее просторной, но заставленной мебельными стенками комнате сильно пахло пылью. Посреди комнаты стоял большой стол с кружевной подстилочкой под вазу. Разложенный диван по обыкновению этого времени покоился у стены, покрытой красно-буро-желтым ковром.

– Вот, – протянул я ей хрустящие купюры.

– Спасибо, – улыбнулась она, но потом понизила голос. – Ты прости, что я так в тихую деньги беру, как будто воровка. Просто побаиваюсь я этих двоих пареньков. Знаю, что они из Мясуховских.

– Уже не двоих, – хмыкнул я.

– Что? Как это не двоих?

Я вынул из кармана ключи, что дал мне Игорь, протянул хозяйке.

– Ой! Дубликат! Это откуда? – Удивилась она.

– Забрал у этого Игоря. Кажется, облюбовали они вашу квартиру, Валерия Павловна.

На лице женщины заиграл настоящий ужас.

– Ой! Уж никак черные риелторы какие? Я слышала от соседей, что у нас в городе завелась такая банда! Бабок обманывают, убивают, а ихнее жилье продают. Я что, на таких нарвалась?!

– Вряд ли, – я отрицательно покачал головой. – Эти просто гопники. С Мясухи. Но для вас они тоже опасные.

– Да знаю-знаю, – она торопливо покивала. – Слышала я

про деда одного. Он, правда, квартиры не сдавал. Внук его, что тут, в Армавире, в техникуме учился, прибил к этим Мясуховским. Так там, у деда в хате, потом их человек по десять набивалось. Притон настоящий устроили. Деда в могилу свели. Потому я этого, – Валерия Павловна показала большим пальцем в стену, за которой жил Гена, – этого паренька так и боюсь.

– Правильно боитесь. Надо от него скорее избавляться.

– Да только как это сделать? – Женщина развела руками. – Я ему боюсь лишнего сказать. Боюсь, что разозлиться, да придет ко мне со своими дружками, квартиру громить.

– Не придет, если все правильно сделать. Слушайте, Валерия Павловна, – хитровато глянул я на нее. – А давайте мы с вами договоримся?

– О чем договоримся?

– Я вам помогу этого Генку из квартиры выгнать, а вы мне отдадите его комнату. Его ж комната будет побольше.

Хозяйка задумалась, потом выдала:

– Слушай, Витя, да если ты его из квартиры как-то прогонишь, я тебе и квартплату уменьшу. Долларов на пять.

– По рукам, – улыбнулся я.

– А тебе, спасибо большое, что этого Игоря прогнал, Витя. Не знаю я, как ты это сделать умудрился, но благодарна я тебе всей душой. Знаешь, как я их двоих боялась? Я и этого одного боюсь, а двоих и подавно. Вот не заметишь, как он там сначала один, потом уже вдвоем, потом тройкой в ком-

нате сидят... Ну и так далее.

– Пустяк, – я отмахнулся. – И с Геной справлюсь. Без шума и пыли.

– Если я тебя чем-то могу отблагодарить, Витя, то я с радостью.

– Конечно, можете. Можно от вас сделать звонок?

– Да-да, проходи! – Проговорила она и повела меня вглубь комнаты.

М-да... Очень я отвык от всего этого духа девяностых, от которого в две тысячи двадцать четвертом и следа не осталось. А тут все им просто было пронизано: старый ламповый телевизор, стоял на тумбе накрытый кружевной салфеткой; лаковые стенки, полные хрустальной и обычной посуды протянулись у двух из четырех стен; на одной свободной висели блестящие настенные часы, сделанные в виде наручных; на другой – железная картина-чеканка, которая изображала обнаженную женщину.

Телефон стоял на советской раздвижной тумбе, что скромно покоилась у подоконника, рядом с батареей.

– Вот, пожалуйста, – указала хозяйка на телефон.

Я снял трубку с желтого аппарата с диском.

– А есть у вас справочник? – спросил я.

– Да-да! Вот!

Женщина засуетилась, нашла на книжной полке и принесла большую коричневую книжку телефонных абонентов Армавира. Была эта книжка за восемьдесят девятый год, пото-

му с номерами выходило хитро. Знал я, что в то время, на месте клуба Эллада, в который мне нужно было позвонить, чтобы поговорить с товарищами, располагался торговый кооператив “Солнышко”. Именно туда я и позвонил.

– Алло, клуб Эллада, слушаю, – раздался девичий голос на том конце провода.

– Приветствую, а кто у телефона?

Мой вопрос явно вызвал у девушки краткое замешательство.

– Как это кто? Ну... Я... Маша Агаркова.

– Маша, – я улыбнулся, вспомнив эту девчушку. Ох и красивая она была. Да вот только я так и не узнал, что с ней стало дальше по жизни. – Рад слышать. Это Витя Летов.

– А! Привет, Витя. Что-то я тебя и не узнала, – рассмеялась она растерянно.

– Кто-нибудь из наших там? Пятница же.

– Ну, все там. Вон, вижу отсюда Женю Корзуна у стойки.

– Позови, пожалуйста. Поговорить я с ним хочу.

Странноватое чувство я испытывал, предвкушая разговор со старым другом. Женя Корзун, парень, старше меня на два года прошел афганскую войну. Успел он еще девятнадцатилетним пацаном на своем втором году службы попасть в горячую точку, там и был ранен: на правой руке оторвало ему два пальца. По ранению и комиссовали. Женя мечтал о военной карьере: в спецназ податься. Однако неудачное ранение решило Женькину судьбу и подался он, вместо спецназа,

в вышибалы.

– Алло, Витя, ты? – Послышался в трубке низковатый, но моложавый голос Жени Корзуна.

Очень странно было слышать этого человека – моего старшего друга, погибшего, по сути, совсем еще молодым мужчиной. Это все равно как слушать призрака с того света. Но все это перерождение было настолько необычным, что я твердо решил больше ничему не удивляться и вести себя как так и надо.

– Здорово, Жека.

– Здоров-здоров. Все ждал, када ты позвонишь. Ну как там у вас дела с Саней? Как с деньгами?

– Денег не будет, – отрезал я. – По крайней мере, у Злобина мы занимать не станем.

В трубке зашипела тишина.

– Как это? Че, встреча не состоялась у вас?

– Я отменил, – ответил я.

– Почему? – Наконец, ответил Женя. – охрannое агентство – это ж твоя идея была. Че, передумал уже?

– Нет. Об этом давай не по телефону. – Я глянул на хозяйку квартиры, которая притихла в кресле и прислушалась. – Встретиться надо. Наши все там?

– Щас, погоди. Гляну, – засуетился на том конце Женя. – Были там, но че-то ни Ефима, ни Степаныча не видать. Хотя приходили вечером.

– Ладно. Давай подъеду, и все тебе растолкую. Потом и с

остальными поговорим. Давай, Женя. До связи.

Распрощавшись с Валерией Павловной, я пошел собираться в Элладу. Дела не ждали. Ночь, кажется, будет длинной.

Когда я подъехал к клубу, сразу увидел, как вишневая девятка растопырила двери у входа в Элладу. Из колонок громко звучала песня девчачьей группы “Комбинация”:

Два кусочка колбаски
У тебя лежали на столе.
Ты рассказывал мне сказки,
Только я не верила тебе.
Эх, два кусочка колбаски
У тебя лежали на столе.
Ты рассказывал мне сказки,
Только я не верила тебе.

Пацанчики, в вислых штанах и цветастых олимпийках, которые явно вывалились из своего краснобокого ВАЗа, спорили о чем-то с охранником – крепким парнем в кожанке, стоящем на воротах.

Когда я вышел из машины и направился к входу, двое из четверых гопников глянули на меня.

– Ну че ты, братан? – Причитал тот, что разговаривал с охранником. – Так дела не делаются. Мы шас в эту шарагу завалимся, а там фуффло какое-то, а не заведение. А за вход уже заплачено.

– Сказал – не пропущу. Значит, не пропущу, – стоял на своем охранник.

– Да мы заплатим! Поглядим, как там внутри и заплатим!

Приближаясь, я поймал на себе взгляд охранника.

– О, здорова, Витя, – сказал охранник.

Признаюсь, его я не помнил. Высокий и лысый парень, одетый в черный деловой костюм, смотрел на меня немного меланхолично, но приветливо. Запахнув пиджак, он освободил проход.

– А я думал, тебя сегодня не будет.

– Здорова, – пожал я ему руку и не подал вида, что забыл этого человека.

– Ну, походи.

– Э! – Услышал я за спиной, когда вошел в неширокий тамбур клуба. – А че этого ты бесплатно пропускаешь? А?

Это возмущался один из пацанов с девятки.

– Он тут работает, – сухо ответил охранник.

– Че за беспредел?! С нас бабки трясешь, а он за так входит! – Подключился второй голос.

Я застыл на месте, обернулся. Потом выступил вперед охранника.

– Мой коллега вам русским языком сказал – либо платите, либо не будет хода.

Парень, что разговаривал с охранником, невысокий и худощавый, одетый в дутую куртку на олимпийку, почесал лысую голову. Полминуты мы сверлили друг друга взглядами,

но пацанчик отступил. Под моим тяжелым взглядом он как-то растерялся, отступил. Еще бы, я был выше него на голову.

– А че у вас там хоть, музлю нормальное? – Осведомился он.

– Ну, заплатишь и послушаешь, – пожал плечами я.

– Ну лады, пацаны, – хмыкнул гопник. – Че мы, лучше других что ли? Пойдем уж, не обеднеем.

Остальная группа его дружков не хило так растерялась, видя, как спасовал их лидер. Однако возникать пацаны не спешили, и мы с лысым охранником пропустили их внутрь. Я украдкой проследил, как новые гости заплатили за вход девочке, сидящей в кассе, в тамбуре, в клуб.

– Вот жеж упертая сволочь эти пацаны, – закурил лысый. – Полчаса я с ними бодался, пока ты не пришел. Все гундят и гундят о своем, пропусти, мол, да пропусти. Уже кулаки от них зачесались. Спасибо за помощь. Думал, не отделаюсь.

– Да не за что, – я пошел к входу в клуб. – Скажу мужикам, чтобы приглядывали за ними.

Клуб Эллада был одним из первых подобных заведений Армавира. Небогатый, небольшой, он все же привлекал к себе внимание разнообразной молодежи одним только фактом своего существования. В те времена это было что-то новое, какая-то новая культура.

Как только я зашел внутрь, по ушам тут же дало громкой музыкой. Внутри, в не очень большом зале скакала толпа народу. Люди толпились у скромненького бара. На небольшой

сцене, кося под рок-н-ролльщиков, разрывалась какая-то местная группа. Солист с жутким акцентом пел что-то на английском языке.

Я продрался сквозь шум и толпу к барной стойке, подождал бармена. Молодой парнишка, одетый в рубашку с бабочкой, подскочил быстро.

– Здорова, Витя! – Перекричал он музыку, – чего-нить налить?

– Да не! Где Женька Корзун?

– Чего?!

– Говорю, где Женька Корзун?!

– А! – Закивал бармен. – Да пришли к нему, и он в подсобку ушел!

– Кто пришел? – Нахмурился я.

– Не знаю!

Тогда я поторопился к выходу из зала. Снова продрался сквозь мокрые женские тела, сдвигал с дороги растанцевавших парней. Выбравшись в светлый коридор, прошел мимо бухгалтерии, до упора и направо. Там, в самом конце, и была подсобка.

В конце оказалось потемнее. Ртутные лампы выгорели, и хвост коридора окутала темень. Только узенькая щелочка света пробивалась в приоткрытую дверь подсобки.

Предчувствие у меня было плохое, и я, не раздумывая, дернул дверь. Все, кто был внутри, тут же глянули на меня.

– Здорова, Витя, – сидя на деревянном ящике, среди стел-

лажей, проговорил Женя.

Шелестов и еще один мужик, что стояли перед ним, обернулись, уставились на меня настоящими волками.

Глава 5

Мужик, что был вместе с Шелестовым, все же показался мне кем-то знакомым, будто бы я его когда-то видел, но потом забыл. Невысокий, но сбитый, был он с ширококостным, скуластым лицом и реденькими светлыми волосами. Смотрел он на меня так же жестко, как и Шелестов. Суки... Пришли мужиков переманивать. Интересно, который Женя по счету? Были ли они у Ефима со Степанычем? Хрен вам. Ничего у вас не выйдет.

– Ты уж определись, Витя, нужно тебе агентство, или нет, – хрипловато проговорил незнакомец не поздоровавшись. – Всех на уши поднял, а теперь заднюю включаешь, трусишь. Нехорошо.

Саня Шелестов при виде меня побледнел, но пытался не подавать виду, что боится. Получалось у него так себе.

– Что они тебе рассказали, Жень? – Проигнорировал я слова лысеющего мужика.

Женя Корзун – худощавый, жилистый, но высокий парень медленно выдохнул. С хрустом почесал трехпалой рукою короткостриженую светлую голову. Несмотря на молодой возраст, взгляд его был усталым, как у старика.

– Да вот, – пожал плечами Женя, – Санек с Капой залетели в Элладу со всех ног и давай голосить, что ты нам все дело срываешь.

Ну вот я и вспомнил. Незнакомого парня зовут Серега Карпов по кличке Капа. Был он Жениным сослуживцем, и сразу же одноклассником Шелестова. По рассказам Сашки, защищал его Капа в школе от хулиганов.

Сначала Серега Карпов был нормальным парнем, общались мы вместе, думали, будет он в костяке Обороны, как и мы все. Через него Шелестов с нами связался. А потом Капа что-то стал сдавать. Довели его воспоминания об афганской войне сначала до алкоголизма, а потом и до наркоты. В Оборону Капа не попал, а закончил свой путь где-то в Ростове.

– Сдрейфил он с братками дело иметь, – насупился Капа. – Он же единственный из нас, кто отслужил, а не воевал. Это мы там насмотрелись такого, что братки против моджахедов просто детишки, которые под себя ходят. А он вместе с нами этого не видел. Вот и испугался бандитов, назад сдал.

– А ты за меня не говори, Капа, – посмотрел я на него холодно, и тот потемнел лицом еще сильнее. Сжал сбитые свои кулаки. – Ты заодно с этим? – Кивнув на Сашку, добавил я.

Шелестов растерянно стал скакать взглядом от меня к Капе, а потом к Корзуну.

– Я заодно с мужиками, – выпятил грудь Капа. – А все мы хотим нашу работу организовать по правильному. А для этого нужны деньги, которые есть у Злобина. Вот только ты отказываешься, Витя. Но я всегда говорил, что ты среди нас белая ворона.

– Хватит заливать, – покачал я головой. – Шелестов с

братками связался, с Черемушками.

– Чего?! – Сашка изобразил удивление. – Ты откуда это взял?!

– Нехорошо друга оговаривать, – злобно зашипел Капа.

– Недруг он мне. – Отрезал я. – Шелестов только недавно, несколько часов назад в собственном дворе орал, что травит на меня братков. А теперь притих, будто ничего и не было.

– Ты что, Витя, пьяный? – Ухмыльнулся Капа. – Каких братков?

– В общем, Женя, – сказал я. – Мое слово против Шелестова. С этими двоими я спорить не собираюсь. Кому ты больше доверишься? Я с бандитами не работал и никогда работать не буду.

– Решайся, Женек, – разулыбался Капа. – Степаныч и Ефимка Иванцов уже с нами. А ты как?

– Бреешь, зараза, – я выступил вперед, и Капа даже сгорбился, как для удара, – Степаныч против меня никогда не пойдет.

– Со Злобиным я договорился, – Несмело пискнул Шелестов, стараясь неловко увести от конфликта. – Он согласен встретиться еще раз, через два дня.

В подсобном помещении воцарилась настоящая тишина. Я посмотрел Жене в глаза. Тот посмотрел мне. Потом заговорил:

– Степаныч и правда не согласился бы. Он больше всего

из нас всех доверяет Вите. Дольше всех нас он Витю знает, и к нам его же и привел, – Женя вздохнул, достав из нагрудного кармана две сигареты с фильтром. Одну сунул за ухо, другую в губы. Закурил. – Витя из нас самый разумный, самый деятельный, не смотри, что рожа суровая. Это он нас надоумил делать Оборону. И никогда я не поверю, что он от этой своей идеи отказался, кого-то там испугавшись.

Женя встал с ящика. Я хмыкнул.

– И раз он говорит, что ты, Санек, с бандитами якшаешься, я ему охотнее поверю, чем тебе.

– А мне? – Выпрямился перед ним Капа, который был на голову ниже Корзуна.

– Извиняй, – только и ответил Женька. – Хотя мы с тобой вместе и воевали, для меня Витькино слово крепче.

– Не друг ты мне больше, – выдержав паузу, сказал Капа.

Выслушивая все это, Шелестов бледнел на глазах. На лице его, белом как стена дома культуры, все сильнее и сильнее отражался настоящий ужас.

– Давайте, мужики, – сказал я, – проводим вас на выход.

– А мож, я билет в Элладу купил? – Злобно рыкнул Капа и пошел на меня, повел крепкими плечами.

Все в комнате вздрогнули: Шелестов от страха, Женька, готовясь к драке. Только я остался на месте, когда Серега Карпов замер со мной лицом к лицу.

– Ну тогда покажи квиток, – проговорил я спокойно.

Капа раздул ноздри. Услышал я, как хрустят костяшки его

пальцев, как поскрипывают сжатые зубы. Держа руки в карманах, я и сам сжал кулаки, норовя ударить первым, если он дернется. Капа не дернулся.

– Пойдем, Шелестов, – бросил он и потопал к выходу.

Сашка Шелестов поплелся следом. Мы с Женькой замерли, ожидая, пока они не выйдут. Потом Женька заговорил:

– Если б я тебя так хорошо не знал, то поверил бы им, – проговорил он. – Ты среди нас, ветеранов, и правда белая ворона. Многие афганцы тебя не воспринимают всерьез. А я воспринимаю.

– Я знаю, – только и ответил я.

– Значит, братки с Черемушек? – Спросил Женя помолчав.

– Угу.

– Они обидятся, поди. Кто-нибудь из нас может одним вечером домой не вернуться.

Ох, Женя-Женя. Знал бы ты, что именно такая судьба тебя и ожидала, согласишься ты на аферу Шелестова. Двадцать пятого февраля девяносто пятого года Женю Корзуна расстреляют в собственном БМВ из автоматов Калашникова, причем в собственном же дворе. Теперь этого не произойдет. Я этого не допущу.

– Прорвемся, Женя, – хмыкнул я. – Прорвемся.

Следующий день. Суббота. Три часа дня.

Шелестова привели и посадили за небольшой блестящий лаком деревянный стол. В особом зале ресторана “Павлин”, принадлежавшему одному бизнесмену, который ходил под бандой с Черемушек, было сейчас безлюдно. Это пугало Шелестова.

Против своего названия, зал Павлина напомнил не цветастое помещение, которое могло бы ассоциироваться у кого угодно с павлинами, а походил больше на огромный предбанник какой-то сауны. Были тут выстланные деревом стены, деревянные круглые столы и стулья. Декоративные стропила украшали потолок. В общем, Шелестову это место казалось очень странным. А теперь он его еще и боялся.

Шелестов икнул от страха, опасливо задрал голову. Двое молодых крепких парней в кожанках, стали по правое и левое его плечо. Смотрели они холодно и свысока. Так, как смотрят обычно на бесправную скотину. У Шелестова по спине пробежал неприятный холодок.

Дверь открылась, и кто-то стал входит в комнату. Шелестов знал, кто это. Почему-то Александр попытался встать, но один из крепышей быстро осадил его, положив тяжелую руку на плечо. Шелестов плюхнулся обратно на стул.

Иван Павлович Седых по кличке Седой – полный, но не старый мужчина с дряблым лицом темными короткими волосами, зачесанными назад, тяжело вошел в зал. Облаченный в костюм с отливом, был он не один. Следом шел ко-

ренастый бородатый мужик. Шелестов с ужасом поймал себя на мысли, что рассматривает косой, живущий, словно бы, своей собственной жизнью глаз бородача. Глаз был каким-то выпученным и покрасневшим, зрачок же глядел куда-то немного в сторону и нервно подрагивал. От страха Шелестов тут же опустил взгляд.

– Ну здорово, Саня, – сказал Седой, когда сел за стол, напротив Шелестова.

Косой же, безумно вращая своим жутким глазом, стал за спиной Седова, сложил руки внизу живота. Другой глаз бородатого умный и проницательный сверлил Шелестова буквально до самого нутра. От этого Александру было вдвойне не по себе.

Седой был из тех бандитов, кто поднялся в Армавире за счет того, что оказался тут одним из первых. Одним из первых стал крышевать местные мелкие и средние бизнесы. Несмотря на то, что к сорока пяти своим годам поплыл он телом, жестокостью своей он остался прежним. Ну, может чуть-чуть присмирел. Шелестов много слышал о том, что творил Седой в молодости. Пока были у них хорошие отношения, Саня старался об этом и не думать. Но теперь при одной только мысли и Седом, у Шелестова тряслись коленки.

– Ну че, Саня, нравится тебе тут? – Спросил Седой, когда Шелестов поздоровался.

– Н-нравится, Иван Павлович, очень нравится.

– А ведь это место, по сути, мое. – Седой откинулся на

кресле, вальяжно обвел помещение полной короткой пятерней. – Знаешь, как я его получил?

У Шелестова пересохло в горле и ответить голосом он не решился, только покачал головой.

– Пришел и взял. Потому что мог. Вот так вот, – Седой замолчал, уставившись на Шелестова какими-то рыбьими, безэмоциональными глазами. – Знаешь ли ты, под кем весь Азовский рынок лежит?

– Под вами, – торопливо ответил Шелестов, а потом испуганно добавил, – Иван Павлович.

– Верно. Подо мной. Такой вот у меня по жизни принцип: работают другие, а я прихожу и беру. Потому что могу. М-м-м? Как тебе? У них своя работа, у меня своя. Каждый делает то, к чему больше подходит.

Шелестов закивал.

– Вот-вот. Мне тоже нравится. Вот и тут, Саня, должно было все получиться точно так же. Летов, твой дружок, организовывает охранный предприятие, оно потихоньку растет, потом подсовываем ему своих людей, втихую. Этим, кстати, ты должен был заниматься. Да? – Улыбнулся Седой. – Такая у тебя должна была быть должность. Не все ж только деньги считать, а?

Александр, не в силах отвечать, только нервно сглатывал.

– А через годик другой прихожу я и забираю все себе, а кто не согласен, того чик и все. – Седой провел жирным пальцем по жирному горлу. – Но вот что-то пошло теперь не

так. Ты, Саня, где-то прошляпился.

– Я... я не знаю... не знаю, как Летов догадался! – Стал оправдываться Шелестов. – Никто не знал, что я с вами общаюсь! Я никак не мог себя выдать! Я точно уверен!

– Но выдал, Саша. – Седой заулыбался. – Выдал. И что ж мне теперь с тобой делать?

– Я... я еще пригожусь! – Засуетился Шелестов. – Может я помогу как-то с ними договориться! Может, еще не все потеряно!

– Договариваться? С автоматами? – Хмыкнул Седой. – Эти мужики – ветераны. Они поехавшие на голову. С нормальными людьми, с нами, дел иметь никак не захотят.

Седой замолчал. Снова уставился на Саню рыбьим своим взглядом. Наконец, спустя минуту, заговорил:

– Я из-за тебя много денег потерял. Сильно рассчитывал, что ты, Саня, толковым окажешься и все сделаешь как надо. Но, видит бог, похоже не судьба.

– Я... Иван Палыч! Я могу... Думаю... Что можно еще все поправить!

– Хватит, – Седой отмахнулся. – Ты надумал уже. Теперь моя очередь думать. Но ты, Саня, теперь свой косяк отрабатываешь.

– Да! Да! – Шелестов закивал. – Отработаю! Обязательно отработаю!

– Ну и хорошо. Сдрисни с глаз моих.

Не успел Саня подняться, как его тут же уволокли крепы-

ши, грубо вытолкали из зала.

– Ну че думаешь, Косой? – Спросил Седой, не оборачиваясь к своему подчиненному, – че делать с этими оборонцами?

– Да что с ними делать? Без денег они хрен моржовый сделают, а не охранный агентств. Скорее всего так и будут на воротах стоять. Но что поиметь их не получилось, это жалко.

– Придется самим бригаду организовывать, – засопел Седой. – Да такую, чтобы все по закону. Чтоб не подкопаться. Времена меняются. У нас теперь будет бизнес серьезный. Легальный.

– Пацаны с кирпичного тоже о своем агентстве задумываются. Слышал я от общих знакомых.

– М-да. Конкуренты, мать их, – буркнул Седой.

– Но я думаю, за Летовым с его афганцами нужно присматривать. Чтоб какой-нибудь херни не наворотили.

– Ну вот, давай, Косой. – Обернулся к нему Седых, – присматривай.

На следующий день я должен был встретиться с остальными мужиками, чтобы поговорить обо всем, что случилось вчера. По нашему обыкновению встречались мы у Ефима Иванцева. Ефим – парень двадцати трех лет, снимал однокомнатную квартиру в доме, в районе улицы Маршала Жукова.

Такой же обстрелянный на войне, как и Женя, он при этом, отделался довольно легко: лишь несколько осколочных ранений. Легкий его характер помог Ефиму уберечься от тяжелого отпечатка войны. Однако не была тут и другая сторона – Ефим, предоставленный сам себе, совершенно не мог организовать и вечно влипал в неприятности. После дембеля он несколько месяцев болтался без дела, пока не познакомился с Женей, и тот не дал ему дело, которого Ефима больше, чем устраивало.

Вспыльчивый и резкий на слова Ефим нашел себя в роли вышибалы. Казалось бы, стоит ли держать такого человека в серьезном охранном бизнесе? Я считал, что стоит, ведь Ефим, если его правильно направить, мог быть очень исполнительным и верным, а самое главное – всегда горой стоял за своих.

Проехав по улице Розы Люксембург, я свернул направо, поехал вниз и завернул во двор нескольких пятиэтажек. В одной из них и жил Ефим.

Оттаивало. Февраль в Краснодарском крае, как всегда, был капризен: то бабахнет мороз, и городская слякоть обернется черной коркой льда, то ударит плюс десять, и вся эта “красота” потечет по улицам неприятными черными ручьями. Сегодня случился второй вариант.

Под песню Егора Летова “Все идет по плану”, я въехал во двор, покатился по сырой от слякоти асфальтовой площадке. Объезжая выбоины, погнал пятерку под стену хрущевки,

поближе, к Ефимовскому подъезду.

Конечно, после стольких лет, память мне изменяла, и если адрес я запомнил просто визуально (все же Армавир я знал хорошо), то вот с подъездом и номером квартиры было туже.

– Либо третий, либо шестой, – пробормотал я себе под нос, глядя на грязный падик многоэтажки. – Третий этаж, правая дверь.

Ну, два варианта, это не десять, и потому я решил, что разберусь и так, на месте. Решил начать с подъезда номер три.

В колонках читал свои стихи мой певец-однофамилец Лотов:

А моя судьба захотела на покой,
Я обещал ей не участвовать в военной игре.
Но на фуражке, на моей серп и молот и звезда.
Как это трогательно – серп и молот и звезда.
Лихой фонарь ожидания мотается,
И все идет по плану.

Припарковавшись справа от пятьсот двадцать пятого БМВ. М-да. Очень популярная тачка среди бандосов. Окинув грязного проржавевшего немца без обоих бамперов, я щелкнул магнитолу, вышел из пятерки и закрыл машину на ключи. Направился к подъезду.

Быстро прошел по пахнущему затхлостью падику, поднялся наверх по лестнице, вдоль на треть крашенных грязно-зеленых стен.

Прожив много лет в теле инвалида, я не мог нарадоваться легкости своих живых ног, и мне будто бы хотелось еще раз проверить, на что они способны. Перескакивая через ступеньку, я быстро добрался до лестничной клетки третьего этажа, и даже почти не сбил дыхания. Спортивная подготовка у меня была что надо.

– Дверь справа, – проговорил я, минуя последний пролет.

Когда поднял я голову и взглянул вверх, на клетку, увидел странное. Именно та, правая дверь, которая и была мне нужна оказалась раскрыта настежь, так, будто внутрь кто-то ворвался и забыл закрыть за собой.

Я нахмурился, ускорил шаг. Неужто Ефим попал в какую-то заварушку? Да, он, конечно, мог быть бестолковым, но с головой все же дружил и в опасные истории старался не влезать. А может, зря я так, и Ефим просто решил проветрить квартирку? Это вряд ли...

Я замедлил шаг и пошел так, что бы каблуки ботинок не щелкали о бетон ступеней. Поднялся медленно, стал возле дверного косяка. Осторожность никогда не помешает.

– Давай, тащи ее! – Услышал я приглушенный мужской голос.

– Вот сука! Ноги держи, ноги! Пинается же!

– М-м-м-м! – Прозвучало девичье тихое мычание, кому-то заткнули рот.

Слыша все это, я нахмурился. Подумал: “М-да, точно неверная квартира”. А потом украдкой заглянул внутрь.

Глава 6

Практически тут же я наткнулся на большие черные глаза. Глаза были женские. Наполненные смесью страха и чего-то вроде злости, они смотрели прямо на меня.

Когда я, аккуратно, из-за дверного косяка, заглянул в квартиру, то увидел ее. Молодая худенькая брюнетка в руках крепкого амбала. Амбал, одетый в кожанку и вислые спортивные штаны с салатовыми лампасами, стоял ко мне спиной. Девушка же, схваченная сзади, буквально висела в воздухе. Дрыгая ногами, вертя головой, она мычала. Во рту был кляп.

Потом вдруг она совершенно случайно оглянулась, посмотрела на меня поверх плеча бандита. Именно тогда я и увидел ее глаза. Именно тогда в них отразилось еще и что-то похожее на мольбу о помощи.

В следующее мгновение здоровяк затащил девушку куда-то направо, в комнату. В этот момент я спрятался обратно за стену. Притаился, стараясь не издать ни звука.

– Держи! Держи ее! – Послышалось из глубины квартиры.
– Ноги держи! Брыкается же!

Несмотря на то что я видел только одного бандита, в квартире их было двое. Из комнаты слышались два приглушенных голоса: один низкий, другой чуть повыше, но хрипловатый.

Вот м-да... вот попал, так попал. Ошибся квартирой, называется. Во всяком случае, я не колебался. Тело сработало как-то само собой, а ум вместо того, чтобы размышлять: “а стоит ли вмешиваться?” Начал продумывать пути, как незаметно от братков проникнуть в квартиру и вытащить оттуда девчонку.

Я снова заглянул в пустой коридор прихожей. Сделал аккуратный шаг внутрь. Прислушался, как звучит моя обувь по старому линолеуму. Звучала она тихо. Прошел чуть вперед. Линолеум здесь был затоптан свежими грязными отпечатками чужих подошв, поэтому я не беспокоился наследить.

Обстановка в квартире была бедной. Я бы даже сказал запущенной. Постоянных жильцов тут явно не было и, наверняка, ее использовали бандиты как убежище.

– Вяжи! Вяжи ей ноги!

Из комнаты справа слышались звуки борьбы, мужское пыхтение и женские стоны вперемешку с мычанием.

– А теперь кидай ее на койку! Пусть отдохнет!

Я затих, соображая, куда же мне податься. Что твориться в комнате, я увидеть не мог. Приблизившись еще сильнее, я рисковал себя выдать. Спереди, слева, чуть дальше от этой комнаты была еще дверь. Наверняка кухня или санузел.

– Так, ну все. Босс сказал пришлет дальнейшие указания на пейджер. А пока, чтобы мы тут перекатывались. Если все пройдет хорошо, то девку отпустим, как только старик подпишет договор.

– А если не подпишет? Он упертый как старый баран.

– Ну тогда телку в расход.

– Блин, слышь, а давай, в расход ты ее с Васьком пове-
зешь? А то в прошлый раз я кровью всю новую куртку из-
гваздал.

– Блин, Леня, ну, переоденься!

– Так это ж мне домой ехать. А эта куртка вообще новая.
На днях взял.

– Так. Кончай ныть. Следи чтобы сообщение босса не про-
фукать.

– Угу. – один из братков закопошился, зашуршала одеж-
да. – Вот сука! Пейджер в машине забыл!

– Лёня, там, на пейджере, вообще-то, херовинка такая
есть, пластмассовая. На ремень крепить.

– Да ну! С одной стороны ствол, с другой пейджер.
Неудобно. Мне на хрен давит.

– Ага... Ну да... – Хрипло рассмеялся второй. – Я помню,
как мы в баню ходили. Не на что там тебе давить!

– Да пошел ты! – Обиделся тот, кого называли Лёней. По-
том добавил. – Серег, ну не при девушке же...

– Давай, дуй в машину! Напиши Михалычу, что все в ажу-
ре!

– Угу...

Дослушивал я этот диалог уже рядом с дальней дверью.
Смог метнуться туда, пока мужики были заняты своим ду-
рацким спором. Потом, не теряя времени, тут же юркнул в

дверь и, как и ожидал, попал в кухню. Тут было холодно. Только сейчас, когда адреналин от моего внезапного решения ввязаться, отпустил, я почувствовал, как холодно в квартире, как ходит тут мерзкий сквозняк.

Немудрено, ведь на продолговатой и узкой кухне, было выбито окно форточки. Тут я приник к стене, за дверью. Прислушался к шагам, следовавшим в коридоре. Потом скрипнула и щелкнула замком дверь.

– Серега! Ты чего входную не закрыл? – Прозвучал голос Лени.

– А. Да? Ну извиняй, братан.

– Хера се! Извиняй! А если б к нам кто левый завалился?

– Леня. Хорош гундеть. Стартуй уже в машину.

Бурча что-то себе под нос Лёня все же стартанул. Спустя минуту, я услышал, как за окном пиликнула сигнализация. Медленно прокравшись к окошку, я выглянул на улицу. Леня мялся как раз у бэхи, аккуратно рядом с моей машиной. Веселуха, че.

Значит, девонку похитили как заложника, и, походу, шантажируют какого-то бизнесмена, чтобы тот избавился от своего имущества в пользу нуждающихся. Классика. Ладно, хватит сидеть на месте. Пока браток один, можно что-то побыстрому предпринять.

Я прислушался. Все, кто был в квартире, притихли. Очень медленно и тихо я вышел из кухни и стал красться к единственной жилой комнате.

Спустя несколько аккуратных шагов, через вход, мне открылось часть комнаты: серые обои в цветочек, красный пыльный диван, а на нем связанная по рукам и ногам девушка. Девушка вновь смотрела на меня. Ее испуганные глаза просто молили о помощи. Внезапно она тихо замычала.

– Заткнись, – грубо прикрикнул на нее хриловатый, которого называли Серегой. – Задолбала уже мычать. Голова от тебя болит.

Я посмотрел девушке в глаза, приложил палец к губам, тихо мол. Та едва заметно кивнула. Тогда я аккуратно приблизился и заглянул в комнату.

Второй бандит, худощавый и невысокий, одетый в кожанку поверх спортивных, стоял ко мне спиной, у выхода на балкон. Над его головой клубился сигаретный дым. Взгляд мой быстро зацепился за кое-что важное: пистолет Макарова, лежащий на тумбе у стены. Кто-то из бандосов оставил его там.

Нужно было торопиться, потому что второй мог вернуться в квартиру в любой момент. В то же время приходилось не спешить, чтобы оставшийся бандос меня не засек. Я пошел к пистолету, не сводя с мужика глаз. Тот, ничего не подозревая, затаился, выпустил дым.

Медленно, едва дыша, я взял пистолет с тумбы. Бросил взгляд на испуганную девушку, потом снова на мужика. Увидел, как тот докурил и щелкнул бычком с балкона. Отхаркнулся и сплюнул.

Овернуться я ему не дал. Врезал рукоятью пистолета по

башке. Бандит, который был гораздо щуплее меня, всхлипнул и повалился мне на руки. Не мешкая, я подхватил его и вышвырнул на балкон. Закрыл туда дверь на шпингалет. Потом тут же бросился к девушке.

– М-м-м-м! М-м-м-м! – Трепыхалась она на кровати.

– Тихо, – я принялся развязывать ремень на ее ногах. – Мы еще не в безопасности.

Освободить ее руки и вынуть кляп времени не было. Я помог ей встать, и мы тут же метнулись к выходу, но я притормозил девушку. Первым выглянул наружу, проверить нет ли там кого. Лестница была пуста.

– Давай! Погнали! – Подтолкнул я девчонку.

Когда мы вылетели на лестничную клетку, снизу зазвучали шаги. Наверняка это поднимался второй бандит.

Девушка почти сразу растерялась, запаниковала, взглянула на меня испуганно.

– Вверх. Вверх по лестнице, – шепнул я.

Мы тут же помчали по пролету вверх, застыли между этажами. Я прислушался. Мужик прошагал к двери. Потом пипкнуло, видать ему отправили на пейджер сообщение. После скрипнула дверь, и он вошел в квартиру. Вниз мы побежали, только когда щелкнул дверной замок.

Я бежал по ступеням быстро, но так, чтобы девушка поспевала. Она, с завязанными руками и кляпом во рту, постоянно задыхалась и даже один раз споткнулась. Я подхватил ее, не дал упасть.

Когда мы были на втором этаже, сверху хлопнуло.

– Сука! Как?! – Раздался злобный крик.

– Не знаю! Я не видел! Дали по голове, а когда очнулся – девки нету!

– Быстрее, – обернулся я к ней.

– М-м-м-м! – Не справляясь с собственным дыханием, она замотала головой.

Но думать о женских неудобствах я сейчас не мог и ускорил шаг, буквально потащил ее за собой. Мы пулей вылетели из подъезда и припустили к моей машине. Знал, что добежать до подъезда Ефима мы не успеем.

– Давай сюда, – сказал я, ища ключи от пятерки. – Сядешь назад.

Когда бросил взгляд поверх крыши машины и увидел, как бандиты выскочили из подъезда, то без разговоров просто надавил девчонке на голову, заставив спрятаться за кузов машины. Девушка только тихо пискнула.

Братки стали суетливо оглядываться. Худощавый, которого я огрел стволом, вдруг обернулся, увидел меня.

– Э! – Крикнул он и пошел в мою сторону. – Э! Мужик!

За ним ко мне направился и здоровяк. Девушка всхлипнула внизу, прижалась к кузову. Я сжал в кармане пистолет.

– Мужик! – Обратился худой, морщась и потирая затылок. – Ты тут не видал девчонку? На вид лет девятнадцать, высокая, худая, черные волосы не очень длинные и не очень короткие.

– Мы братья ее, – набычась, добавил здоровяк.

– Одета в спортивный костюм? – Спросил я. – Зеленый такой.

Девушка заволновалась, когда услышала про свой костюм. Стала хватать меня за джинсы. Я сжал ее плечо, чтобы она вдруг не кинулась бежать.

– Да! – Тут же возбудился худой. – В костюме!

Здоровяк активно закивал.

– Да видел. Вон туда побежала, на выход со двора. – Я кивнул в противоположную нам сторону.

– Вот сука!

– Она одна была?!

– Не, – я отрицательно покачал головой. – С какими-то двумя мужиками.

Бандиты стали хвататься за головы, а потом бросились к своей машине. Сели, зарычал двигатель бэхи. Машина резко сдала назад и подпрыгнула на выбоине. Когда затормозила, свистнула резина. Потом братки дали газу и помчали вон со двора. Я приводил их внимательным взглядом.

– Все, можешь вылазить. – Сказал я.

Девчонка тут же вскочила, замычала, повернулась ко мне задом, показывая на ремень, стянувший ей запястья. Я снял его, а от кляпа девушка избавилась сама.

– Спасибо! Спасибо! – Она бросилась мне на шею, обняла. – Боже! Они меня убить хотели!

– Все хорошо. – Ответил я. – Сейчас я отведу тебя в без-

опасное место.

Под безопасным местом я, конечно, имел в виду квартиру Ефима. Мало ли что. Бандосы могут еще вернуться.

– Кто? Кто ты? – Отпрянула она. – Ты от дедушки? Он прислал тебя?

– А кто твой дедушка? – Нахмурил я брови.

Она тут же изменилась в лице. Посмотрела на меня напугано.

– Как ты меня нашел? Кто ты вообще такой? Из милиции?

– Нет. Не из милиции.

– А кто?!

– Витей меня зовут. – я улыбнулся.

Девушка посмотрела на меня недоверчиво.

– Я не причиню тебе вреда. Не переживай.

– Мне нужно позвонить. У тебя мобильник есть? – Спросила она.

– Нету. Но я знаю безопасное место. И там может быть телефон. Оттуда и позвонишь своему дедушке.

– Пойдем! Пойдем скорее! – Девушка потянула меня куда-то за руку.

– Тихо-тихо. Не газуй так. Нам в другую сторону. В соседний подъезд. У меня там друг живет.

Я повел ее в шестой подъезд.

– Так кто ты? Кто такой? – Спросила она по дороге.

– Я же сказал, Витя меня зовут.

– И... ты просто Витя?

– Я не из братвы, если ты об этом, – глянул я.

– Не из братвы? – Она остановилась, а потому и мне пришлось прекратить шаг.

– Я подрабатываю охранником, – сказал я холодно.

– А как ты меня нашел?

– Ошибся квартирой. – Я сдержанно рассмеялся. – Ну ладно, идем. Они могут вернуться с минуты на минуту.

– Суки, – Серега потрогал ссадину на затылке. – Башку мне разбили, падлы. М-м-м-м... Болит.

– Да звони уже, – Леня обреченно откинулся на сидении бэхи. – Надо все Михалычу рассказать.

– Он с нас шкуры сымет, – поморщился Серега.

После того как девчонка сбежала, бандиты еще долго кружили вокруг пятиэтажек. Проехали Маршала Жукова и Розы Люксембург, но ничего не нашли. Ни единого следа. Тогда остановились у ближайшего телефона-автомата.

– Ну а че делать? Ему ж надо рассказать, что дед прислал за внученькой козлов своих, – выдохнул Леня.

– А че я? – Возразил вдруг Серега. – Давай ты звони. Ты ж знаешь, как на меня Михалыч действует. Потом долго успокоится не могу.

– Э. А че эт я? – Леня привстал, тронул руль, возмущенно посмотрел на подельника. – Это ты ж девку прошляпил, не?

– А если бы ты пейджер в машине не забыл, я бы девку и не прошляпил!

– Ага! Там, походу, какие-нить бывшие комитетчики в квартиру пробрались! Порешили бы нас обоих, мы и пискнуть не успели бы! А так глянули на одного тебя, такого жаленького, и рука у них не поднялась тебя добивать.

– Да иди ты к чертовой бабушке!

– Сам иди!

Бандиты замолчали. Серега открыл окно, закурил.

– Иди давай. – Пашка посмотрел время на своих часах Касио, – до переговоров осталось всего ничего.

– Ща, докурю.

Когда Серега докурил и выкинул бычок, то все же вышел из машины. Пошел к телефону. Стал звонить. Разговаривал долго. Морщился. Леня знал почему. Это на него орал Михалыч.

Вернулся Леня бледный как стенка. Сел в машину

– Ну че?

– Не старик это был, – сказал Серега, пялясь в одну точку, перед собой.

– В смысле не старик?!

– Михалыч с ним разговаривал по телефону десять минут назад. Не его люди телку увели, а кто-то другой.

Я позвонил в дверной звонок. Стал ждать. Марина, так звали девушку, нервно топталась на месте. Поглядывала на меня с интересом, но украдкой. Думала, что я ее взглядов не замечаю.

– А там точно есть телефон? – Спросила она.

– Должен быть.

Ефим не открывал. Это было странно, ведь Женя сообщил мне, что они договорились сегодня на три. Я глянул на часы. Подходило назначенное время.

– Ефим! – Крикнул я и стал стучать в дверь.

Только тогда за ней что-то зашевелилось. Послышались шаги.

– Кто? – Услышал я знакомый молодежавый голос.

– Да я это. Витя. Че, не узнал?

– А!

Наконец, нам отварили. На пороге стоял Ефим – невысокий, но плечистый парень Короткостриженный и ширококостный, он был одет в тельняшку и тренировочные штаны с лампасами.

Ефим поднял на нас сонные глаза. На его круглом лице остались еще следы сонливости.

– Че, после смены?

– Ага. Стоял вчера на воротах в Меркурии. Трудноватая была ночка. А это кто? – Посмотрел Ефим на Марину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.